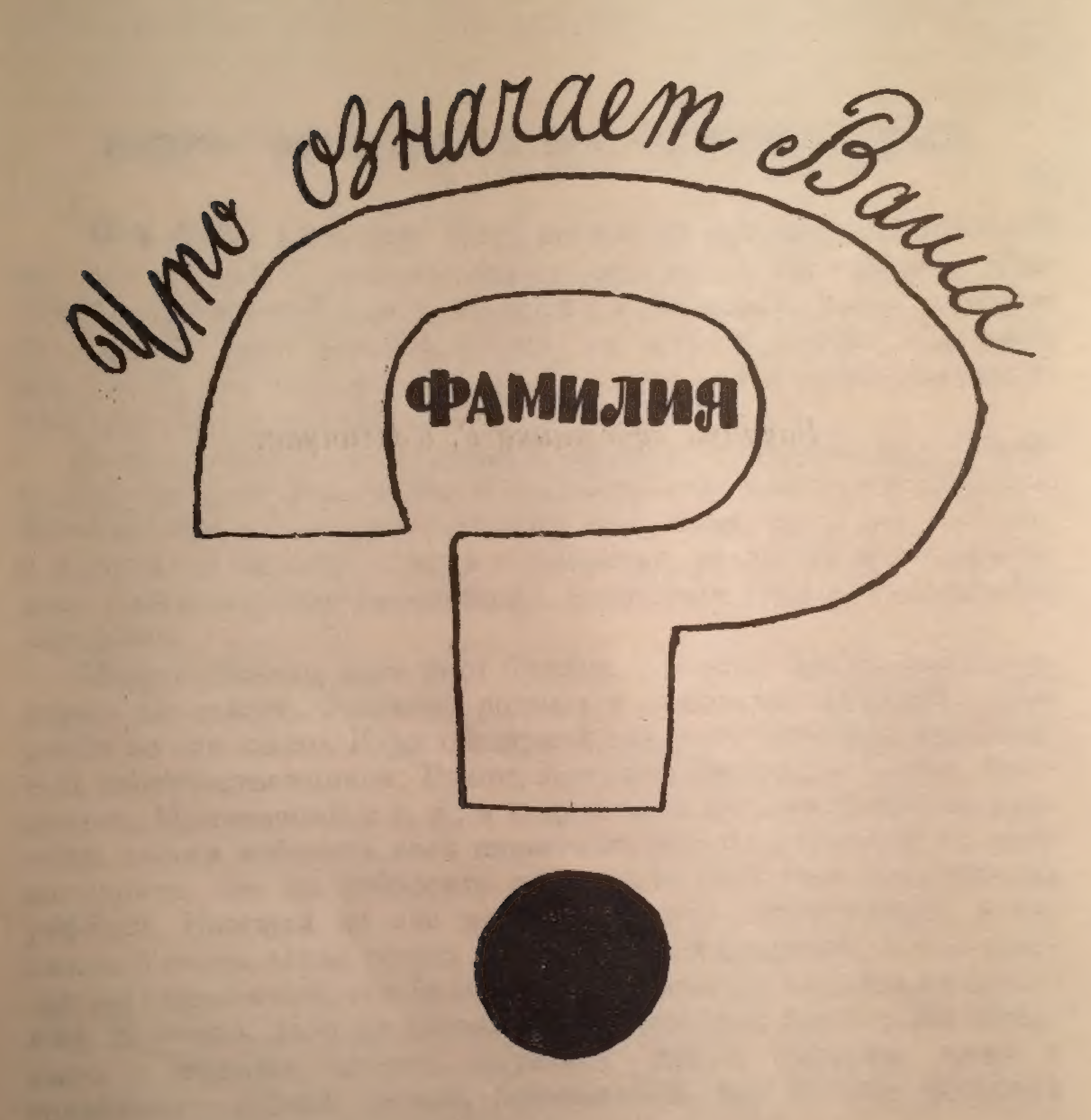
Ю. Федосюк

Что означает Ваша «Фамилия» ?

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ю. ФЕДОСЮК

Издательство „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" Москва 1969

4 Р
Ф 33

Рисунки художника Г. Ковенчука.

7—6—3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

ФЕДОСЮК Юрий Александрович

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ВАША ФАМИЛИЯ?

Ответственный редактор А. В. Ясиновская. Художественный редактор Л. Д. Бирюков. Технический редактор Т. В. Перцева. Корректоры Г. В. Русакова и К. П. Тягельская.

Сдано в набор 16/XII 1968 г. Подписано к печати 13/VIII 1969 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 5. Усл. печ. л. 4,67. (Уч.-изд. л. 4,5). Тираж 50 000 экз. ТП 1969 № 528. А06212. Цена 16 коп. на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3565.

ВОПРОС ОБЫЧНЫЙ И ВОПРОС НЕОБЫЧНЫЙ

Как Ваша фамилия? Кому из нас не приходилось отвечать на этот вопрос! С того памятного дня, когда мы впервые переступили школьный порог, каждый из нас твердо усвоил: он уже не просто Коля, Володя, Маша, но еще и Петров, Данилов, Комарова; без этой важной прибавки он вроде бы не полноценный человек, а все еще совсем малый ребенок.

Если не считать круга семьи, ближайших друзей и родственников, мы узнаём и отличаем людей прежде всего по фамилиям. Это касается как людей знакомых нам лично, так и тех, кого мы и в глаза не видели: живых и умерших, реальных и придуманных (литературные персонажи), известных всем или известных немногим.

Попробуйте-ка, взяв лист бумаги, написать все фамилии, которые вы знаете. Фамилий родных и знакомых, пожалуй, наберется не так много. Куда обширней окажется перечень знаменитых соотечественников: Разин, Кутузов, Рылеев, Пирогов, Менделеев, Маяковский и т. д., и т. д. А если к прославленным русским людям добавить всех известных вам иностранцев, то могу поспорить, что вы отбросите перо — это окажется непосильной работой. Каждый из нас носит в памяти огромнейший, в несколько сотен, запас самых разнообразных фамилий; и чем старше мы становимся, тем больше узнаём разных людей и их фамилий. Конечно, дело не только в возрасте: чем больше мы общаемся с людьми, читаем, слушаем радио, смотрим кино и телевизор — одним словом, развиваемся, тем больше фамилий запоминаем.

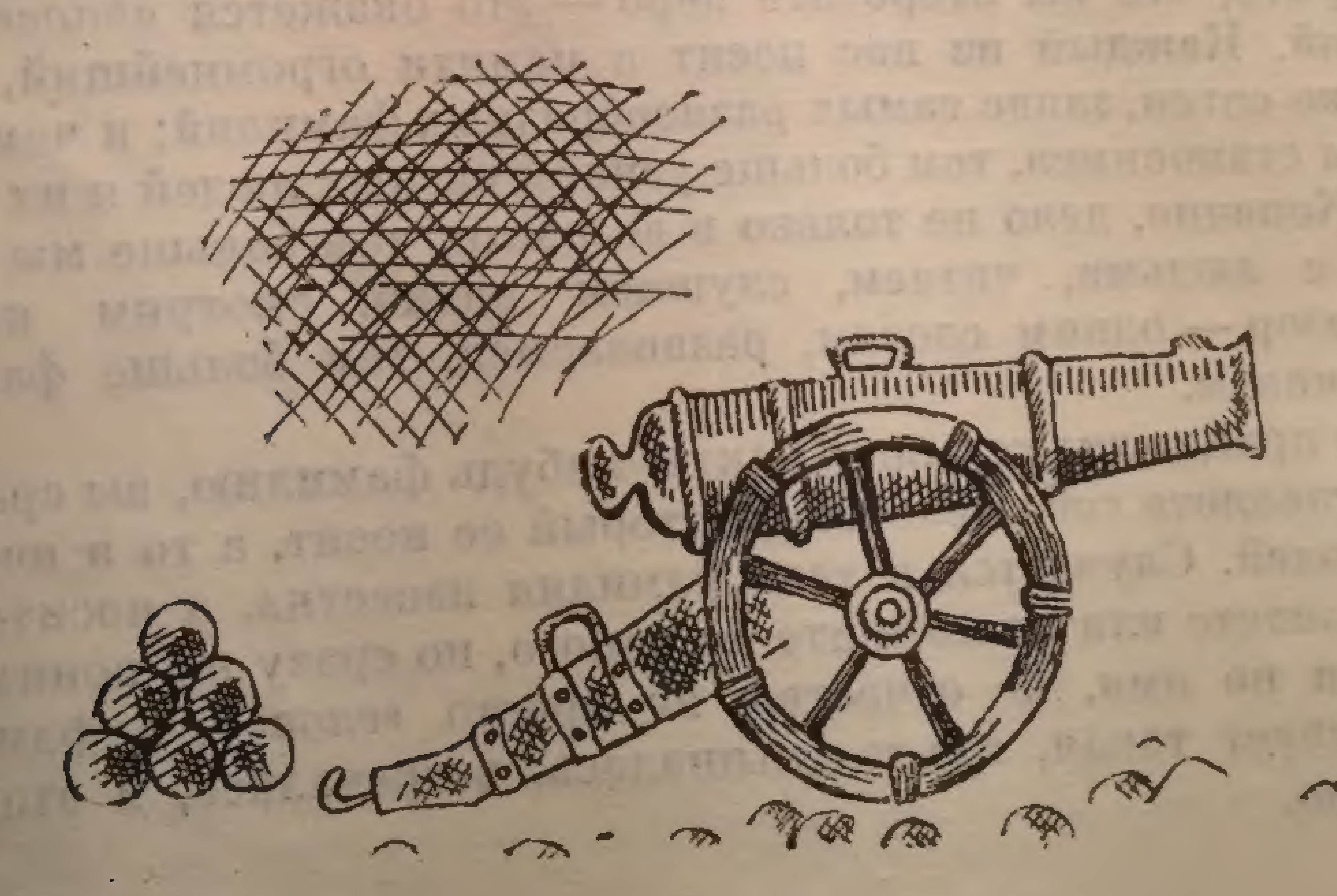
Не правда ли: услышав какую-нибудь фамилию, вы сразу же представляете себе человека, который ее носит, а то и нескольких людей. Случается и так: фамилия известна, а носителя ее вы не знаете или не помните ни одного, но сразу же понимаете: назвали не имя, не отчество, не просто «слово», а фамилию. Существует такая, где-то слышалась, встречалась, и этого достаточно.

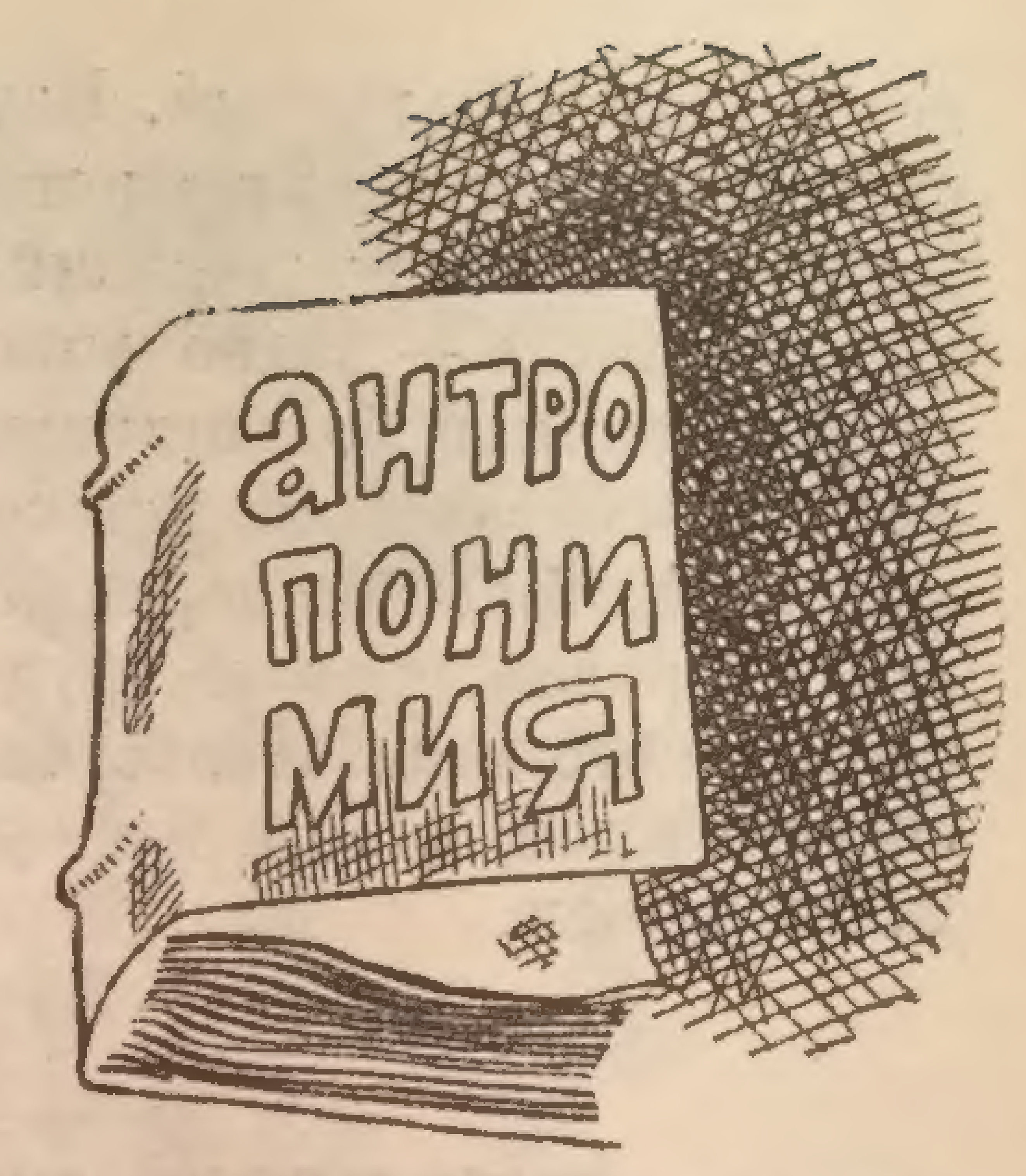
Любопытно и другое: чем старше мы становимся, тем реже задумываемся над происхождением и значением знакомых фамилий. При слове «Пушкин», например, в нашем воображении предстает великий поэт, его творения, но и в голову не приходит артиллерийское орудие. Почему? Да потому, что мы давно уже привыкли: любая фамилия, как одежда или прическа, еще не составляет главного, существенного признака человека. И смысл фамилии вовсе не обязан соответствовать наружности или сути ее владельца: Черняев может быть блондином, а Тупицын обладать острым умом.

Итак, фамилия — не более как условный опознавательный знак, помогающий нам запомнить человека, даже если мы его не видели, отличить одного от другого, обратиться к нему лично или назвать собеседнику.

Нельзя, вместе с тем, сказать, что вы всегда равнодушны к этому «условному обозначению» человека. Узнав, что кого-то зовут Бонч-Бруевич, мы можем сказать: «Ого, громкая фамилия!» Услышав «Иванов», можем заметить: «Обычная фамилия». Прочитав «Зороастров», решим: «Странная фамилия». И можем задуматься: а откуда, собственно, такая взялась?

Вот тут-то мы внезапно как бы обретаем слух на фамилию и становимся в какой-то степени лингвистами, точнее — антропонимистами, то есть людьми, занимающимися антропонимией — изучением человеческих имен. Заинтересовавшись чьей-либо фамилией, мы можем даже задать ее владельцу несколько необычный вопрос, поставленный в заголовке этой книги: «Что означает Ваша фамилия?»

А вопрос этот далеко не праздный, как не пустым делом оказывается вся антропонимия. Эта область русского языкознания развита еще довольно слабо, интерес к ней возрос лишь сравнительно недавно. Между тем, изучение, в частности, русских фамилий помогает открыть немало фактов, ценных не только для самого языкознания, но и для других общественных наук: истории, географии, этнографии. Антропонимия в какой-то степени напоминает археологию: по раскрытому имени, так же как по найденному в земле предмету, можно узнать о людях, некогда населявших эти края, об их происхождении, занятиях, верованиях, культуре, быте, вкусах.

Советский языковед В. К. Чичагов отмечал, что о существовании в Древней Руси многих слов, особенно бытовых, ученые узнали не из тех старинных текстов, где они встречались в качестве нарицательных, а из данных антропонимии. Такие слова, например, как щеголь, караул, деньга́, башмак, бирюк, встречаются в древнейших документах как собственные имена значительно раньше, чем как нарицательные. А отсюда уже можно делать вывод, с каких, примерно, пор соответствующие предметы или явления были известны нашим предкам.

В отличие от археологии, занятия антропонимией не требуют дальних экспедиций и специальных инструментов для раскопок. Предмет антропонимии — в данном случае нас интересуют фамилии — повсюду вокруг нас: в любом школьном классе, цехе, воинском подразделении, газете, даже в таком прозаическом и печальном документе, как «список неплательщиков за квартиру». Конечно, ни один археолог не удовлетворится просто находкой — она требует расчистки, возможного восстановления, а затем уже тщательного изучения. Так и антропонимист: чтобы определить происхождение фамилии, он нередко должен очистить свой объект от позднейших искажений, восстановить его первоначальное обличье, а затем уже доискиваться смысла и истории образования. Но копаться в земле антропонимисту не приходится, больше требуется «копания» в библиотеках и архивах. Труд весьма сложный, а во многих случаях и

вовсе безрезультатный. Ведь буквально каждая фамилия имеет свою индивидуальную историю, обычно уходящую в далекое прошлое. Момент рождения фамилии —самый важный для антропонимиста — редко фиксировался в документах, и тайна этого рождения в большинстве случаев утрачена. О происхождении тысяч фамилий можно лишь *догадываться* с большей или меньшей степенью вероятности. Впрочем, такие же неприятности сопровождают и труд археолога: вместо стопроцентного, бесспорного доказательства нередко приходится довольствоваться гипотезой, а то и несколькими. И тем не менее их труд ценен и нужен.

КАК ВОЗНИКЛИ РУССКИЕ ФАМИЛИИ

Итак, обратимся к русским фамилиям. Что это вообще такое? Словари поясняют: фамилия — личное наименование человека, переходящее (обычно по мужской линии) из поколения в поколение, иными словами — родовое имя. Личное имя и отчество меняются, во всяком случае, могут измениться; даже если Иван Иванович назовет своего сына Иваном, а Иван-сын своего сына тоже Иваном, мы будем иметь дело с тремя разными Иванами Ивановичами. Фамилия же у трех поколений во всех случаях будет одна — скажем, Крылов.

Есть, конечно, немало исключений: жена обычно берет фамилию мужа; по советским законам можно сделать и наоборот. Ребенку можно дать фамилию или отца, или матери. Но в большинстве случаев по традиции (а в дореволюционное время — в силу закона) ребенок получает фамилию отца, а жена — мужа.

Фамилии в том смысле, в каком мы понимаем их сегодня, сложились на Руси не сразу. Процесс этот растянулся на несколько веков. В первую очередь, фамилии или, точнее, родовые прозвания появились у людей знатных, имущих — князей, бояр, богатых купцов. Вспомним самые ранние из дошедших до нас произведений русского фольклора и литературы — былины, «Слово о полку Игореве». Герой «Слова» был князем, но фамилии у него не было — мы знаем только отчество «Святъславлич». Воспеваются в «Слове» и другие русские князья — и все без фамилий, разве только с отчествами. На помощь разбитому войску Игоря автор, правда, призывает князя «Галицкого Осмомысла-Ярослава», но фамилия ли Галицкий? Нет, это ука-

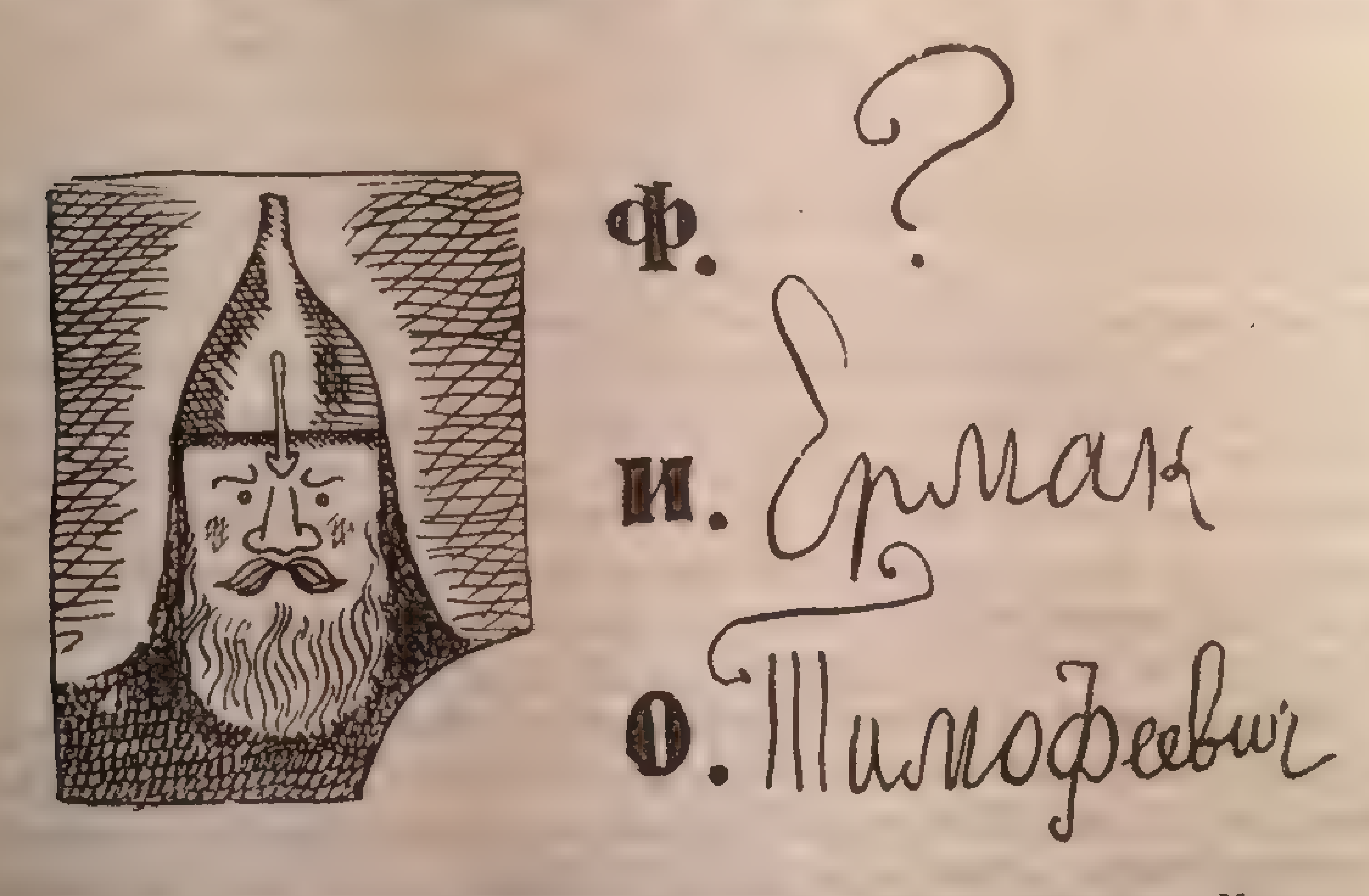

зание на галицкие земли, которыми «володел» Осмомысл-Ярослав, и смени он свои владения, изменилось бы и это его прозвание, звучавшее в те времена как нарицательное обозначение. Вместе с тем, слово «Галицкий» — несомненно уже зародыш наследственной фамилии: пройдут два-три века, и названия княжеств и вотчин прочно пристанут к именам князей, станут наследственными. Шуйский, Воротынский, Мосальский, Ростовский в XV веке — уже фамилии, переходящие из рода в род, даже если потомки феодалов потеряли права на эти земли, присоединенные к Московскому государству.

Вспомним, как звали трех былинных богатырей, изображенных на известной картине Васнецова: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. Муромец — не фамилия, а прозвище, напоминающее о том, что храбрый «Илья сын Иванович» был родом «из города из Мурома». Добрыня Никитич — сын Никиты, как об этом прямо говорится в былине «Добрыня и змей». Попович — прозвище молодого богатыря Алеши — может показаться нам фамилией: ведь существует же в наши дни такая — достаточно вспомнить советского космонавта! Но в древние времена Попович было прозвищем по роду занятий отца. Недаром сам Алеша-млад представляется князю Владимиру: «Меня, государь, зовут Алешею Поповичем, из города Ростова, старого попа соборного». Стало быть, сын Алеши звался бы уже не По-

новичем, а скорее Богатыревичем, или Александровичем (полное имя Поповича было не Алексей, а Александр), или же по месту своего рождения — как Илья Муромец. Какого ни возьмем мы русского богатыря—ни у кого не обнаружим фамилии: Вольга Всеславьевич, Микула Селянинович, Соловей Будимирович. Даже и такие былинные герои, как Василий Буслаев и Василий Игнатьев — вроде бы обладатели вполне обычных по нашим понятиям фамилий,— на самом деле имели только отчества в их старой, неполной форме, без суффикса «ич»; недаром оба Василия в былинах именуются то Буслаев и Игнатьев, то Буслаевич и Игнатьевич.

Даже в XVI—XVII веках, когда все знатные люди уже обладали наследственными фамилиями, или, как тогда говорили, «родовыми прозваниями», мы встречаем весьма заслуженных и уважаемых, но «бесфамильных» лиц. Всем известен казачий

атаман Ермак, песня про которого поется до сих пор. Ермак — вариант христианского имени Ермолай (или же Ермил), отчество его было Тимофеевич. А кто знает его фамилию? В одном из преданий он, правда, называется Алениным, но это маловероятно. Не случайно, что в официальных документах фамилии Ермака не значится. Характерно, что не имели фамилий и его соратники — уральские казаки Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк; имя с прозвищем или отчеством казалось вполне достаточным.

Современниками Ермака были русский первопечатник Иван Федоров со своим ближайшим помощником Петром Мстиславцем. Но Федоров — не фамилия, а неполное отчество (как Буслаев); отец первопечатника звался Федором. Мстиславец — прозвище по месту происхождения, вроде Муромец. Долго считалось, что Иван Федоров не имел прозвища, пока не нашли документа, указывающего на то, что сына первопечатника звали Иван Друкаревич. Стало быть, к концу жизни, переселившись на Украину, Федоров получил прозвище Друкарь, что по-украински означает печатник.

Всякому известны руководители народного ополчения 1611—1612 годов Минин и Пожарский. Но если князь Пожарский унаследовал свое «родовое прозвание» от предков, владевших селом Пожар, то у торговца Минина, носившего прозвище Сухорук, фамилии, собственно, не было: Минин означает сын Мины (в то время православное имя «Мина» было распространенным), иногда писалось «Минич», только потомки переосмыслили Минин как фамилию.

Как складывались и закреплялись фамилии, лучше всего показывает генеалогия древних дворянских родов. Дело не только в том, что, как уже говорилось, знатные люди обзаводились фамилиями раньше других; важно, что их родословную можно проследить по документам. Для примера возьмем «род Пушкиных мятежный» — предков нашего великого поэта. Основателем его был некий «муж честен» Радша, или Ратча (очевидно, уменьшительное от славянского имени Ратислав). Жил этот Ратча, как доказывает академик С. Б. Веселовский, в первой половине XIII века. Сын Ратчи звался Якун, у Якуна был сын Алекса, затем шел Гаврило Алексич, сыном последнего был Иван Морхиня. Если бы от Морхини пошли Морхинины, то сегодня мы говорили бы: «автор «Евгения Онегина» Александр Сергеевич Морхинин», об исследователях его творчества — морхинистах, о памятнике А. С. Морхинину на Морхининской площади в Москве. Но Морхиня еще наследственной фамилии не образовал; родоначальником Пушкиных стал его внук Григорий, получивший по какой-то причине прозвище Пушка. Григорий Пушка жил в конце XIV или в начале XV века, когда у знатных родов стали образовываться наследственные фамилии; к XVI веку процесс этот завершился.

После князей, бояр и дворян постоянными фамилиями обзаводились, в первую очередь, городские жители — торговцы, ремесленники, служилые люди, то есть лица, обладавшие какими-

то правами и владевшие некоторой собственностью. Они заключали между собой торговые сделки, делили наследство, брали друг перед другом различные обязательства; для этого составлялись документы, а для документов фамилия, подтверждавшая ответственность или права не только отдельного лица, но и целого рода, имела немалое значение. Однако, чем ниже на социальной лестнице стоял человек, чем реже входил он в юридические отношения, тем неустойчивее было его наименование. Сопутствующее личному имени прозвание, то есть то, что мы сегодня склонны принимать за фамилию, вроде Федоров, Мстиславец, Минин, менялось обычно с каждым поколением, в редких случаях удерживаясь в двух поколениях. Даже один человек в течение своей жизни мог называться по-разному. Это случалось по воле боярина — собственника «живых душ», воеводы, дьяка или даже писца-подьячего.

Так обстояло дело и после реформ Петра I, введшего в русский язык самое слово «фамилия» и повелевшего время от времени проводить «ревизии», то есть переписи населения. Но и занесение в «ревизскую сказку», столь хорошо знакомую нам по «Мертвым душам» Гоголя, не делало «фамильное прозвание» простого крестьянина постоянным и наследственным. Для людей «низкого звания» переход фамилий из поколения в поколение был необязательным и до самого XX века нарушался множеством случайностей.

Можно с уверенностью сказать, что наследственные фамилии утвердились в России окончательно только в советское время, в особенности же начиная с введения паспортов (1933 год). И сейчас еще можно встретить людей, которые вам скажут: «Я — Михеев, потому что деда моего звали Михей, хотя фамилия его была Карпов». Или: «Мой дед был сапожником, от него пошли и мы — Сапожниковы». Можно найти и двоюродных братьев с разными фамилиями, хотя их отцы были родными братьями.

Все это не означает, что наследственных фамилий, дошедших из древних времен, у нас не сохранилось. Их не так мало, и носят их отнюдь не только потомки дворян или купцов. Такие фамилии, как Дьяков, Тиунов, Рындин, Стрельцов, сами по себе свидетельствуют о своем допетровском происхождении, ибо роды занятий — дьяк (то есть чиновник: не смешивать с дьяконом и дьячком!), тиун (управляющий боярским хозяйством), рында (царский телохранитель), стрелец (военнослужащий особого привилегированного войска) — уже не существуют более

двух с половиной веков. Еще более древнего происхождения могут быть фамилии Баскаков (баскак — ханский сборщик податей во времена монголо-татарского ига[1]), Гостев (гостем в Древней Руси назывался приезжий купец), Ордынцев (ордынец — принадлежащий Золотой Орде).

Итак, нельзя сетовать на то, что у нас мало фамилий древнего происхождения и, стало быть, мало материала для антропонимических «раскопок». Напротив, можно заметить, что очень мало русских фамилий происходит от более поздних наименований сходных профессий. Всякому знакомы фамилии Толмачев, Почтарев, Корчмарев, Дьяков, но слышал ли кто фамилии Переводчиков, Почтальонов, Трактирщиков, Чиновников? Или же Учителев, Парикмахеров, Официантов? Не случайно ухо наше привыкло именно к древним фамилиям. Корабельниковы, Струговщиковы, Ямщиковы звучат для нас естественней, чем Инженеровы, Механиковы, Шоферовы (хотя и последние три фамилии встречаются).

РАНЬШЕ ИМЕН БЫЛО БОЛЬШЕ

Оглянемся вокруг, прислушаемся к фамилиям своих соучеников, сослуживцев, соседей. Фамилий какого типа больше всего? Несомненно, образованных от личных собственных имен. Не надо быть ученым-лингвистом, чтобы догадаться: Ивановы, Петровы, Даниловы, Марьины получили свои фамилии от личных имен своих близких или далеких предков — Ивана, Петра, Данила, Марьи. Кажется, что тут еще и размышлять?

А размышлять есть о чем — о древности имен, образовавших названные фамилии. Установить это, в общем, возможно: они не старее X—XI веков, когда на Руси христианская религия заменила языческие верования. Как известно, христианство пришло к нам из Византии, от греков. А первые русские священники — греки по происхождению — требовали, чтобы вступающие в христианство и их дети принимали имена (крестились; отсюда окрестить), которые носили легендарные или реальные люди — древние евреи, греки и римляне, причисленные к лику святых и занесенные в специальный церковный календарь — святцы.

---

[1] Правда, позднее баскаком на Руси стали называть бойкого, нагловатого человека.

И вот русские стали называться в честь персонажей Ветхого завета — священной книги как иудеев, так и христиан — Авраамами, Исааками, Моисеями, Аннами; либо именами древнеримских борцов за христианскую веру — Аверкиями, Викторами, Лукианами, Наталиями; либо же в память греков — первых христиан нарекались Феодосиями, Евфимиями, Анастасиями и т. п.

Иноземные эти имена звучали для русского уха чуждо и непривычно, смысл их был непонятен, и новшество долгое время встречало глухое сопротивление. Все же насильственно насаждаемые христианские (их часто называют календарные) имена понемногу вытесняли привычные, древнеславянские, но, подчиняясь новой языковой стихии, меняли звучание: древнееврейский Иоханаан (благодать божья) превратился в Иоанна, а затем в Ивана; древнегреческий Евфимий (благодушный) стал Ефимом, а латинский Флор (цветущий: сравните слово «флора») был переиначен во Фрола, от которого пошли Фроловы.

Распознать многие христианские имена, дошедшие до нас в корнях фамилий, в наши дни стало трудновато.

Во-первых, круг используемых «живых» личных имен, почерпнутых из святцев, к началу XX века заметно сузился; многие имена, популярные в старину — это доказывают хотя бы басни Крылова,—к нашему времени оказались основательно забыты. Уже сейчас мы редко встретим Луку, Архипа, Фому, Акулину, но осознаем, конечно, что это — имена, хотя и «не модные». Мужские имена подобного рода еще встречаются в отчествах людей старшего поколения, а чаще всего в фамилиях: Лукин, Архипов, Фомин. Фамилия воспетого Глинкой Ивана Сусанина уже с трудом распознается как производное от «Сусанна», хотя западноевропейское имя Сусанна нам хорошо известно. В России же женское имя Сусанна долгое время было забыто и только с недавних пор стало вновь встречаться у молодых девушек, но уже не как православное имя, а как западноевропейское заимствование. Что же сказать о таких мужских именах, как Кирсан, Зот, Протас, Сазон, Меркул, Увар? Все они прочно забыты, хотя в фамилиях продолжают свою жизнь: Кирсановы, Зотовы, Протасовы, Сазоновы, Меркуловы, Уваровы.

Во-вторых, многие заимствованные имена подверглись в русском языке такому изменению, что подчас неузнаваемы, даже если «исходное» имя нам известно и памятно. Нередко от-

секался первый слог: Галактион превратился в Лактиона (Лактионов), Илларион — в Лариона с уменьшительным Ларя (Ларионов, Ларин), Эммануил в Мануила (Мануйлов). То же произошло с именами Анкудин (в святцах — Акиндин), Селиван, или Селифан (из Сильвана), хотя, слыша фамилии Кудинов, Ливанов и Лифанов, мы уже не догадываемся (даже зная чичиковского кучера Селифана), что это производные от старых календарных имен.

В-третьих, всем нам известно, что личные имена употребляются в полных и уменьшительных формах: полное — Иван, уменьшительное — Ваня; полное — Надежда, уменьшительное — Надя. Сейчас уменьшительных от какого-либо имени стало немного, чаще всего известно одно; между тем, еще не так давно от некоторых имен образовывали их множество. Сегодня нам нелегко по старому уменьшительному догадаться о полном. Но именно от уменьшительных форм — нередко давно забытых — образовались и продолжают существовать сотни русских фамилий. От имени Павел — фамилия Павлов, а от уменьшительных его форм — Панин, Панютин, Панюшин, Панюшкин, Паншин, Павшин, Панаев, Панькин, Пашутин, Пашков, Павлюков, Павлищев, Палин — и несть им числа!

Или возьмем имя Евстафий. По-гречески оно означает «твердо стоящий», но в русском, вопреки своему значению, оказалось весьма гибким и подверглось множеству изменений. От вариантов этого имени образовались фамилии Остафьев, Останов, Астахов, Астанин, Аставин, Осташков, и это, конечно, не все.

От разновидностей популярного в старину имени Матвей произошли фамилии Матюшин, Матюнин, Мотин, Машков, Махнов, белорусская — Мацкевич; от имени Моисей — Мосин, Мосяков, Мосягин, Монин, Монюков, Моникин. Последние три могут быть производными и от имени Филимон — от последнего его слога.

Имя Петр породило множество уменьшительных, о которых на-

-Панин, Панютин, Панюшин, Панюшкин,
анаев, Панькин, Пашутин, Пашков, Павлю-
ин — и несть им числа!
Евстафий. По-гречески оно означает «твер-
сском, вопреки своему значению, оказалось
дверглось множеству изменений. От вари-
бразовались фамилии Остафьев, Остапов, Ас-
авин, Осташков, и это, конечно, не все.
ей популярного в старину имени Матвей
лии
нин,
Мах-
и —
мени
Мо-
онин,
кин.
огут
и и
он —
лога.
дило
ьши-
х на-

поминают фамилии Петунин, Петрунин, Петрушин, Петрашев, Петриков, Петрусов, Петряков, Петелин, Пе́кин, Пеньков (реже—от слова «пенёк»). Подлинная фамилия А. М. Горького — Пешков — указывает на то, что его предком был Петр, которого называли Пешко́.

Как сейчас уменьшительно называют Якова? Яша, да и только,— ответит большинство читателей. В старину же уменьшительных было несколько, о чем можно судить по фамилиям Якушин, Якушев, Якушкин, Якунов, Якунин, Якунчиков. Кое-где эти уменьшительные сохранились и в наши дни.

Вот еще «расшифровки» некоторых русских фамилий, произведенных от вариантов православных имен:

ФАМИЛИЯ	ИСХОДНОЕ ИМЯ	ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ КАЛЕНДАРНОЕ ИМЯ
Авилов	Авило	Вавила
Акулов	Акул	Акила
Алисов	Алис	Елисей
Аничков	Аничко, Аникей	Иоанникий
Апосов	Апос	Анастасий и Амос
Анциферов	Анцифер	Онисифор
Бакунин	Бакуня	Аввакум
Барков	Борко	Борис — из Борислав
Бахнов	Бохно	
Веденеев	Веденей	Венедикт
Веклин	Векла	Фекла
Гранов, Гранин	Гран, Граня	Граний и Евграф
Гридин, Гринин	Гридя, Гриня	Григорий
Дашков	Дашко	Даниил
Деев	Дей	Дий
Дорохин	Дороха	Дорофей
Елесин, Елютин	Елеся, Елюта	Елисей
Ивлев	Ив	Иов
Илютин	Илюта	Илья
Калинин	Калина	Калиник (реже от ягоды калины)
Кастанаев	Кастанай	Константин
Кукшин	Кукша	Кукша (мужск. имя)

ФАМИЛИЯ	ИСХОДНОЕ ИМЯ	ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ КАЛЕНДАРНОЕ ИМЯ
Курилов	Курило	Кирилл
Курьянов	Курьян	Киприан
Ларгин	Ларга	Ларгий
Логинов	Логин	Лонгин
Лукутин	Лукута	Лука
Нефедов	Нефед	Мефодий
Олесов	Олес	Александр
Полуектов	Полуект	Полиевкт
Полуянов	Полуян	Полиен
Радин, Родин	Радя, Родя	Родион
Санин	Саня	Александр
Сахнов	Сохно	Софония (мужск. имя)
Селин	Селя	Селиний
Силуянов	Силуян	Сильван
Самохин	Самоха	Самуил
Симаков, Симагин	Симак, Симага	Симеон
Синьков	Синько	Симеон
Тишков	Тишко	Тихон
Улитин	Улита	Иулитта (по-итальянски — Джульетта)
Фалеев	Фалей	Фалалей
Фетисов	Фетис	Феоктист

Фамилии Сапрыкин и Супрунов образовались от вариантов имени Софрон; Свиридов — от варианта имени Спиридон. Любопытно, что имена Мелентий, Терентий, Дементий имели свойство менять два последних слога *«ентий»* на *ех* или *их*, о чем свидетельствуют фамилии Мелехов, Терехов, Демихов. Православное имя Малахия («Посланник божий») переиначивалось в Малах и Малафей; отсюда Малаховы и Малафеевы.

Громоздкое имя Варфоломей наши предки упростили в Вахрамей, а Вахрамеев стали ласково называть Вахрушами или Бахрушами. От этих последних пошли Бахрушины, Вахрушины, Вахрушевы. Иногда отсекался первый слог, и тогда человека звали Фоломеев, Фоломин. У католиков старой России это имя звучало Бартоломей, от уменьшительных его пошли фамилии Борткевич и Барташевич. Если встретятся сейчас в одной ком-

нании Варфоломеев с Бахрушиным, Фоломиным и Барташевичем, то вряд ли и догадаются, что у всех четырех — общий «фамильный» предок!

Кстати, об это коварное имя ломали себе язык не только русские. Оно было распространено и в Западной Европе (вспомним Варфоломеевскую ночь, то есть ночь накануне дня святого Варфоломея 1572 года, когда парижские католики учинили массовую резню протестантов). Варфоломей был почитаемый святой, и на Западе его именем — по-испански и итальянски Бартоломео — крестили немало людей. Но и там оно упрощалось. Если вам знакома комедия Бомарше «Женитьба Фигаро» или оперы «Севильский цирюльник» и «Свадьба Фигаро», то вы, несомненно, вспомните незадачливого доктора Бартоло. Что же это за имя — Бартоло? Да такое же производное от Бартоломео, как какой-нибудь Вахрамей от Варфоломея!

Родоначальники Коняевых, Коновых, Кононовых, Конаковых, Коншиных, Конашевых, Конашевичей никакого отношения к коням могли и не иметь, а носили имя Конон, что по-древнегречески звучит вполне современно: трудящийся.

Многие удивляются, узнав, что распространенная русская фамилия Юдин происходит от имени Иуда. Как могли христиане сделать Иуду святым и называть его именем детей? — спрашивают они. Дело в том, что, по евангельской легенде, у Христа было два ученика по имени Иуда: один — Иуда Искариот — оказался предателем своего учителя, второй — Иуда Иаковль — был верным его приверженцем. Имя Иуда (Юда), разумеется, пошло от второго, чтимого церковью и занесенного в святцы.

Известны фамилии, образованные не от личных имен, а от отчеств. До нашего времени уважаемого человека, обычно пожилого, в деревне, а то и в городе, называют подчас только по отчеству. Отсюда, например, Фомичевы, Лукичевы, Степанычевы, Егорычевы и т. д. Но поскольку предки наши легко смешивали полную и уменьшительную форму имени, то и отчества иногда производили от уменьшительного. Сейчас мы вольничаем только с личными именами, но не с отчествами. Никому не придет в голову назвать сына своего приятеля Игорь Колевич, если самого приятеля — Николая — все называют Колей. Не то в старину: человека могли назвать по отчеству не Симеонович и даже не Семеныч, а просто Сёмич (от Сёма). Об этом свидетельствуют фамилии Семичев (от Сёма—Семен), Копычев (от Кона — Ко́нон), Демичев (от Дёма — Демьян или Дементий).

Может показаться, что некоторые русские фамилии образованы от... фамилий же! В самом деле: разве Суринов, Тулинов, Горинов — не потомки Сурина, Тулина, Горина? Несомненно, потомки; однако Сурин, Тулин, Горин были не фамилиями, а исчезнувшей ныне разновидностью отчеств с окончанием *ин* (вспомним Козьму Минина). Точно так же, как родоначальник Фомичевых — Фомич, сын Фомы, так и родоначальник Суриновых — Сурин, сын некоего Суры. И Фомич, и Сурин — отчества!

Впрочем, фамилии, образованные от фамилий же, тем не менее существуют. Обычно их источник — нерусские фамилии, к которым добавлялся суффикс *ов:* Фарбер — Фарберов, Бутлер — Бутлеров, Брюс — Брюсов.

РЕБЕНОК И ИМЯ

Помимо календарных, то есть христианских личных имен, другой мощный источник фамилий — нехристианские личные имена и прозвища. Разница в том, что нехристианское (языческое) имя давалось ребенку вскоре после рождения параллельно с христианским, которым его крестили; прозвище же давалось стихийно чаще всего взрослому человеку. Весьма нередко нехристианское имя или прозвище (дифференцировать которые нелегко) оттесняло непривычное иноземное имя, полученное при крещении, и становилось *главным* именем человека, от которого потомки его получали и фамилию.

Из истории и литературы нам известны дохристианские славянские имена, которые носили древнерусские князья; обычно они сложены из двух частей и, в отличие от греческих, довольно понятны: Все + волод, Свето + зар, Свято + слав, Любо + + мир, Добро + слав и т. п. Кроме этих княжеских, были, естественно, имена и попроще и более распространенные: Бажен и Бажан (любимый, желанный), наш старый знакомый Добрыня, Дружина, Чурила, Селянин, Любава, Несмеяна и другие. Многие из них исчезли, сохранившись только в былинах и — подчеркиваю! — в корнях фамилий, другие выстояли, уцелели и даже всякими правдами и неправдами проникли в святцы: Всеволод, Мстислав, Ростислав, Людмила.

Как это получилось? В некоторых, впрочем, весьма редких случаях высшие органы православной церкви канонизировали, то есть объявляли святым того или иного деятеля со славян-

ским именем — тем самым «православным» становилось и его имя. Но священники саном пониже были люди ловкие и «протаскивали» в святцы славянские имена обходным путем. Некоторые греческие имена они находчиво перевели на русский. Так, оставив гречанкой святую Софию (мудрость), они превратили в россиянок трех ее легендарных дочерей: Пистис — в Веру, Элпис — в Надежду, Агапэ — в Любовь.

Точно так же русский Богдан попал в святцы как перевод греческого Феодот (по-народному Федот), Боголеп — как «тезка» греческого Феопрепия. Появилось в святцах и такое явно переводное имя, как Разумник. Дескать, смысл не меняется, святой не обижен, а простым русским людям и понятней, и произносить удобней. Иные греческие святые помимо имен носили прозвища, характеризовавшие их деятельность. Если даже имена их оставались в русских святцах без изменений, то рядом стоявшие прозвища для ясности переводились. Так, один из многочисленных святых Иоаннов получил прозвище Воин, другой — Постник. Крестили и именем, и прозвищем одновременно: Иоанн Воин или Иоанн Постник, но русское прозвище было понятнее иноземного имени и вытесняло его. И вот на Руси не редкостью стали имена Воин и Постник. Строителя храма Василия Блаженного в Москве звали Посник Яковлев (*т* выпало, так как не произносилось), отцу одного из друзей Пушкина Павла Нащокина при крещении дали имя Воин. От этих имен образовались не только отчества, но и фамилии — Постников, Воинов.

Впрочем, проникновение русских слов в святцы было явлением редким. Даже к таким «освященным» русским именам, как Богдан, Владимир, Всеволод, высшие церковные власти относились с неприязнью и старались их заменить иноземными. Так, Всеволод, например, заменялся Гаврилом, хотя последнее имя имеет совсем иное значение — «божественный воин». Таким образом, одним из наиболее богатых источников русских фамилий стали не немногие славянские имена, попавшие в святцы, а те самые нехристианские личные имена, которые долгое время, до самого XVIII века, вопреки господствующей церкви давались детям при рождении и часто сопутствовали людям на всем протяжении жизни.

Как же в старину называли матери своих маленьких детей? Чаще всего, как и сейчас, ласкательно, но это было не только семейным прозвищем, а становилось признанным именем взрослого, даже старого человека. Прежде всего бросалась в глаза миниатюрность новорожденного существа: Малюта, Малец,

Малыш, Малыга, Малей, Малява. От этих домашних имен пошли распространенные фамилии Малютин, Мальцев, Малышев, Малыгин, Малеев, Малявин. Охотно давались ласкательные имена; какие — чаще, какие — реже, можно судить по степени распространенности фамилий: Милютин, Милюков, Милаев, Миляев, Милованов, Сабинин (от собина — родной, мой собственный). Долго ждали ребенка — называли его Ждан, Чай или Чайко (от «чаяти»); явился он неожиданно — Нежданн, Нечай. Новому члену семейства иногда давалось имя Прибыток; желая ему долголетия, родители нарекали его Столет и даже Бессмертной. Первого ребенка называли Первенцем, Первушей, Первухой, третьего (счастливое число по «святой троице») — Третьяком, уменьшительно — Треней; отсюда многочисленные Третьяковы, а также Треневы и Трепины, шестого — Шестаком (Шестаковы). Тихий, спокойный ребенок звался Смирным, Тихомиром, Тиханом (Смирновы, Тихомировы, Тихановы).

Младшего называли Меньшиком, Меньшутой, единственного — Одинцом, позднего — Поздняком, Поздеем, Поздпышем, Поскребышем. Родившихся в предпраздничный и праздничный день — Субботой или Неделей (по-старому неделя — воскресенье), в зимнее время — Зимой или Морозом, весной — Весной или Вешняком (многие Вешняковы позднее стали писаться Вишняковыми).

Чтобы ребенок был богат и счастлив, ему иногда давалось имя, более известное из сказок, чем из окружающей жизни: Король, Царь, Бова или же Алмаз, Яхонт, Золото.

Но нередко ребенок в полунищей и без того многодетной крестьянской семье приносил только горе, и измученные родители называли его Злобой, Кручиной, Нелюбом, Нехорошим, Невзором (глаза бы не смотрели!) — отсюда соответствующие фамилии. Особо раздражал шумный, беспокойный ребенок — Бессон, Немир, Шумило, Зык, Докучай, Бушуй, Базан (крикун), Баруздa (от «баруздить» — шуметь). Болезненный младенец

нарекался Истома, Сухота, Золотуха, Желтуха, Лопуха, то есть по болезни. Но, вероятно, гораздо чаще подобные отрицательные имена давались даже любимому ребенку из суеверия, чтобы на него не позарилась нечистая сила. В тех же целях русскому дитяти, помимо основного, скрываемого от посторонних, иногда присваивалось «басурманское» (нехристианское) имя — Мурат, Мураз, Ахмет, а подлинное не произносилось и сохранялось в тайне. Но со временем «охранительное» имя вытесняло подлинное, и взрослый человек оставлял потомство Муратовых, Муразовых, Ахметовых, нынешнее поколение которых часто совершенно необоснованно считает себя «татарских кровей».

Дабы обмануть нечистую силу, устраивалась еще и такая наивная процедура: отец или дед выносил хворого ребенка из избы и через некоторое время приносил его же обратно, приговаривая (чтобы слышали бесы), будто бы свой выброшен, а принесен совсем другой, и имя у него другое, скажем, уже не Ждан или Любим, а Найден или Непаш. Дескать, услышат бесы, что это другой ребенок, и отступятся от него.

А то давались и совсем нехорошие имена: Черт, Чертко, Беско. Или же Ляд, Шишко, Шишига, Кульман, Синец — прозвищ у нечистого духа было множество. Разве будет дьявол своего обижать? Не очень благозвучно, но чего не сделаешь,

чтобы ребенок выжил и был здоров! Конечно, умирали и юные Черти, Чертки, Бески, но от выживших пошли Чертовы, Чертковы, Бесковы, Лядовы, Шишковы и т. п., сохранившие в своих фамилиях память о суеверии далеких предков.

ВНЕШНОСТЬ И ХАРАКТЕР

Но многие из перечисленных имен давались уже взрослым людям. Еще и сейчас прозвища нередки, особенно в деревнях и среди школьников. В старые же времена прозвища не только «прилипали» к человеку на всю жизнь, но и становились его вполне официальным именем и передавались — через отчество, а затем и фамилию — потомкам, вплоть до наших современников.

Изучая русские фамилии, изумляешься наблюдательности, меткости оценки и богатству языка наших предков. Некоторые имена-прозвища, от которых образованы фамилии, свидетельствуют об исчезнувших, хотя еще и ясных по значению словах; до смысла других приходится доискиваться, обогащаясь знанием древней народной лексики. Трудно найти внешний отличительный признак или свойство характера, которое не дошло бы до нас благодаря фамилиям.

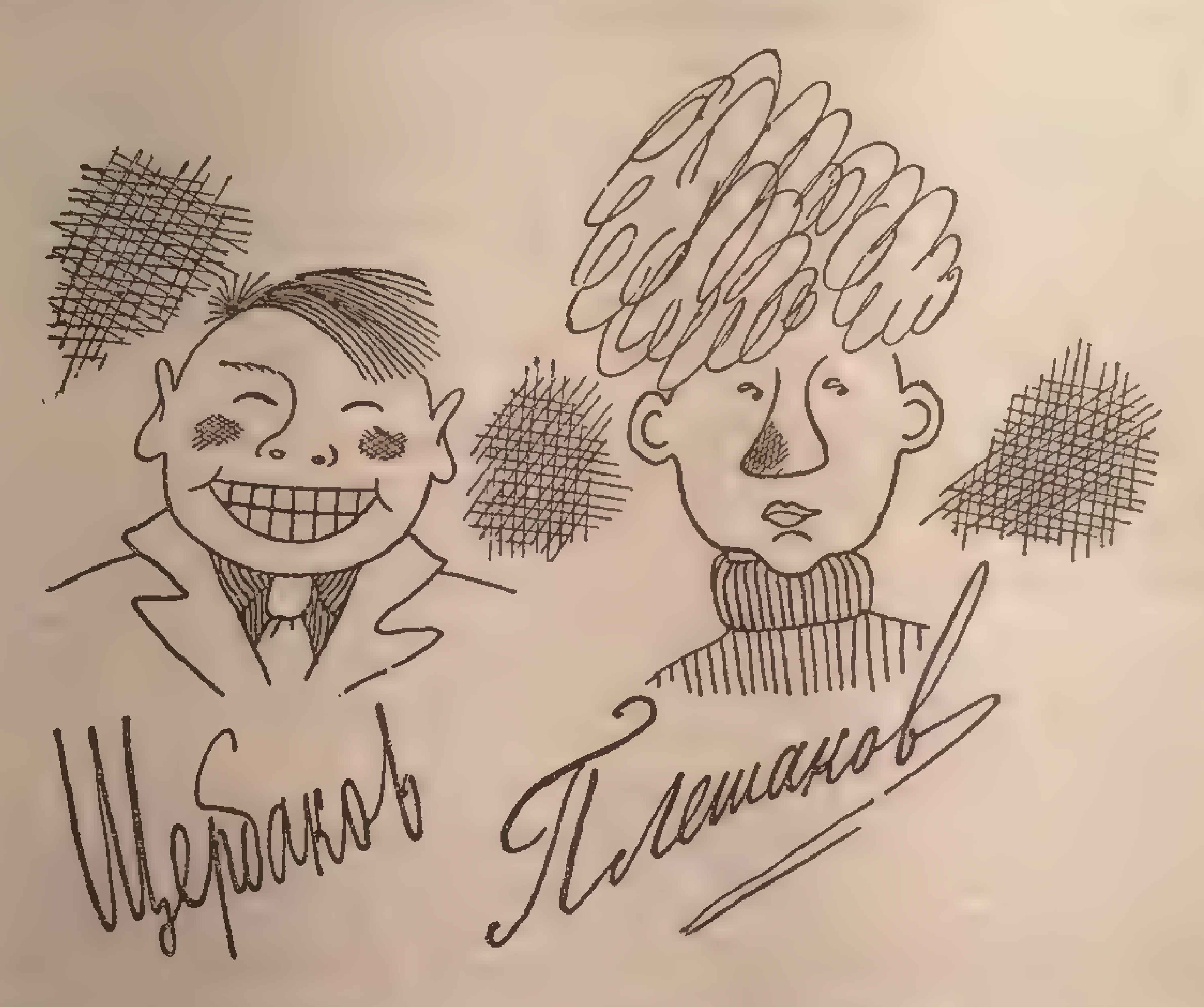
Начнем с внешних признаков.

Как мы называем сегодня светловолосого человека? Блондином, белокурым. В старину обозначений было больше. Об этом говорят фамилии Беляков, Белянов, Беляев, Белышев, Белашов. Черноволосых и смуглых звали Черняками, Чернышами, Черняями, Чернятами. Крупноголовые звались Голованами, Головачами, лобастые — Лобанами и Лобачами, ушастые — Ушаками, Ушанами и Уханами, большеглазые — Глазунами, носатые — Носарями, большегубые — Губанами, Губарями, Грибачами, Грибанами[1], кудрявые — Кудрявцами, Кудряшами, плешивые — Плеханами, Плешаками. Полные звались Толстиками, Тучами, Тучка́ми, Брюханами, тощие — Суханами и Худяками, долговязые — Кощеями, Хлудами, Качурами, рослые —

[1] Может показаться странным, но во многих русских говорах грибы называют губа́ми, а губы, наоборот, грибами.

Долганами, Долгушами, Росляками, низкорослый получал прозвище Коротыга, Шихирь, Хруль, Курбат, широкоплечий — Плещей и Ширяй, лишенный передних зубов — Щербак, Щербач, Щербина, Щербатый, Корзун. Левша нарекался не только Левшой, но и Шульгой. Рябой звался Шадра, Дзюба, Корепан — в разных говорах по-разному.

Чтобы не загромождать текст, я не привожу общеизвестных фамилий, образованных от этих слов. Не сомневаюсь, что читатель мысленно назвал их сам.

Резкие физические недостатки особенно бросались в глаза. Десятки тысяч здоровых и правильно сложенных людей до сих пор носят фамилии, увековечившие изъяны или увечья далеких предков: Кривошеевы, Карнауховы, Беспаловы, Шестопаловы, Сухоруковы, Безруковы и даже Кривогузовы. Люди с рассеченной верхней губой звались Трегубами, одноглазые — Кривцами. Страдавшие дефектами речи получали кличку Карташ (картавить), Шамша (шамкать), Шепель (шепелявить), Барма, Ваула и, разумеется, Заика. Заикиных — вовсе не заик — полным полно на Руси.

Однако окружающие могли прозвать человека и непосредственно по названию наиболее характерной части его наружности. Например, большелобого человека прозвать не Лобаном, а просто Лбом, и т. д.

Такой прием — когда для общего определения вместо целого называется самая заметная или существенная часть его — в науке именуется греческим словом «синекдоха». Большегубого звали просто Губой, кудрявого — Кудрёй, крупнокостного — Костомаром (от «костомара» — большая кость). Такого же происхождения фамилии Головин, Бородин, Глазов, Ухов, Носов и множество подобных.

От имен-прозвищ, обозначающих те или иные черты характера, также произошли многие широко распространенные фамилии. Сейчас мы не назовем молчаливого человека молчаном, а чистоплотного — чистяком; фамилии Молчанов и Чистяков убеждают нас, что раньше такие слова существовали. Многие старые прозвища современнику непонятны, в литературном языке они забылись и кое-где сохранились только в говорах (причем значение их могло и измениться). Приведем небольшой словарик фамилий, образованных от подобного рода слов, с объяснением. Оговоримся: многие из этих слов имеют в русских говорах несколько значений. Мы отобрали значения, наиболее вероятные при образовании прозвищ:

ФАМИЛИЯ	ПРОЗВИЩЕ	ЗНАЧЕНИЕ ПРОЗВИЩА
Анохин	Аноха	простоватый
Бакин, Бакулин	Бака, Бакула	рассказчик, балагур
Бахарев, Бахирев	Бахарь, Бахирь	говорун, краснобай
Башилов	Башило	шалун, баловник
Батурин	Батура	упрямец
Булгаков	Булгак	беспокойный, суматошный
Булычев	Булыч	хитрый, плутоватый
Бунин	Буня	чванный, высокомерный
Бурнашев	Бурнаш	задиристый
Верещагин	Верещага	говорун
Жихарев	Жихарь	удалой, ловкий
Завьялов	Завьял	медлительный, вялый
Звягин	Звяга	сварливый, крикливый
Зюзин	Зюзя	плаксивый, мокрый от слез
Кокорев	Кокорь	скуповатый, бережливый
Ляпин, Ляпунов	Ляпа, Ляпун	грубоватый
Лабутин	Лабута	неуклюжий, бестолковый
Мичурин	Мичура	угрюмый
Неклюдов	Неклюд	неуклюжий, неловкий
Полежаев	Полежай	лежебока
Полетаев	Полетай	быстрый, проворный
Рахманов, Рахманинов	Рахман, Рахманин	веселый, разгульный, в других говорах — вялый, хилый
Рюмин	Рюма	плаксивый, слезливый
Ряхин	Ряха (сравните совр. неряха)	аккуратный
Скосырев	Скосырь	упрямый
Суворов	Суворый	суровый, нелюдимый
Сутырин	Сутыра	спорщик, вздорный
Фалин	Фаля	простоватый
Чаплыгин	Чаплыга	щеголь
Шибанов, Шабанов	Шибан	буйный, драчливый
Щапов	Щап	щеголь

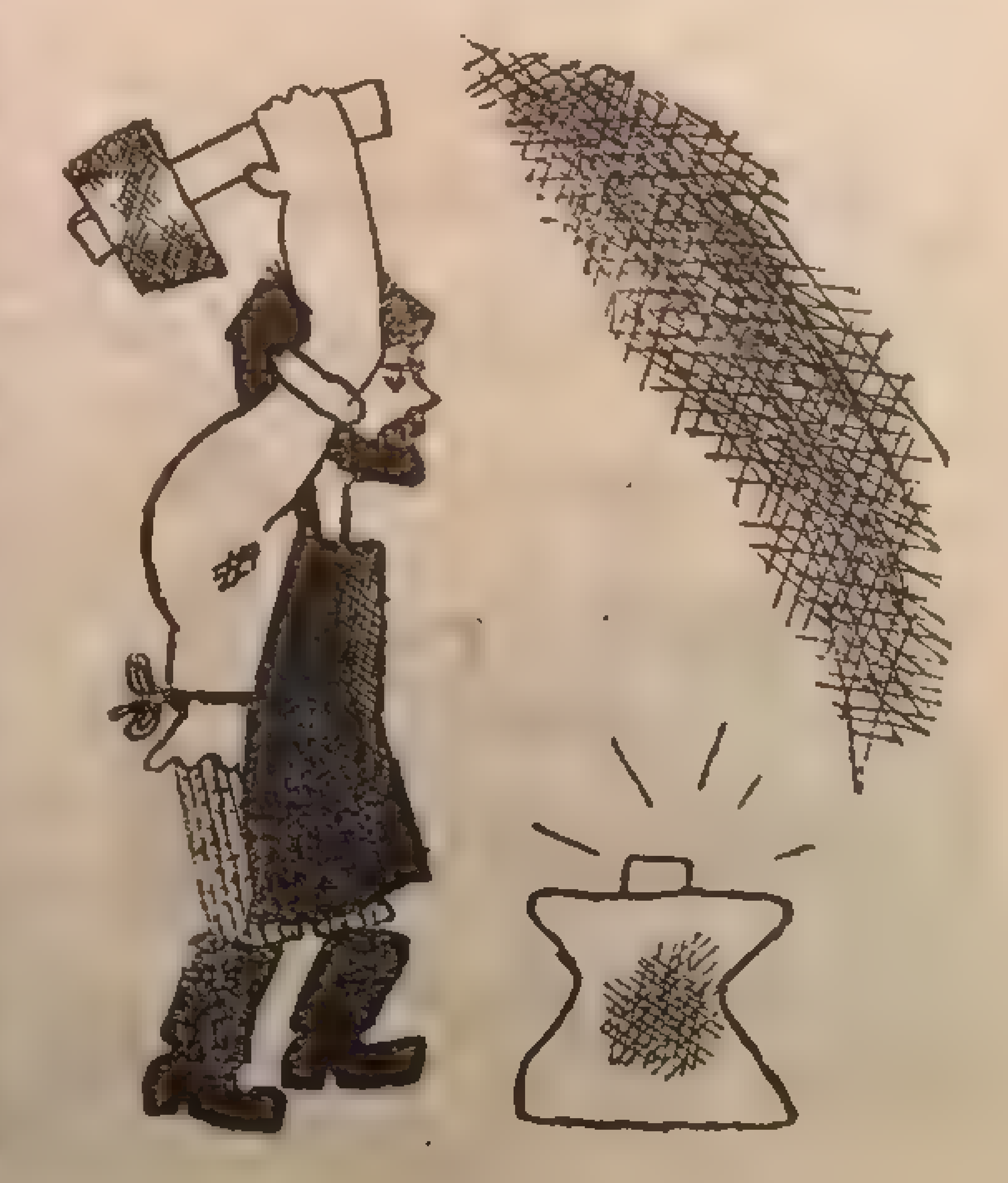
Как видим, смысл большинства имен-прозвищ — отрицательный. Да не обидятся на меня за столь неприятное открытие современные носители многих названных фамилий: они не отвечают за недостатки своих предков. А кроме того, можно ли поручиться, что те, кто придумывал прозвища, были всегда справедливы?

ЧЕМ ЗАНИМАЛИСЬ НАШИ ПРЕДКИ?

В старину человека нередко называли и по роду его занятий. Об этом свидетельствуют десятки современных русских фамилий. Для историка они особенно интересны, по ним можно дополнить представление о занятиях и профессиях далеких предков, в особенности же получить представление о профессиях ныне забытых и неизвестных.

Из представителей этого рода фамилий больше всего у нас, пожалуй, Кузнецовых, Мельниковых и Рыбаковых. Но встречаются менее понятные, происхождение которых забылось: некоторые свидетельствуют о четкой специализации и даже об отдельных стадиях технологического процесса прошлых веков.

Возьмем, например, выражаясь современно, текстильно-швейное производство. Потомки древних мастеров носят фамилии Ткачевы, Крашенинниковы, Красильниковы, Синельниковы, Шевцовы и Швецовы (от слова «швец», или «шевец»; украинский вариант — Шевченко), Кравцовы (кравец — закройщик; украинская фамилия Кравченко), Епанешниковы (епанча — род плаща), Шубниковы, Рукавишниковы, Голичниковы (голицы — тоже рукавицы), Скатерщиковы, Тулупниковы и т. д.

Любопытна фамилия Пустовалов. Ее первоначальный корень — донское слово «полстовал», то есть валяльщик шерстяных покрывал — полстей.

Слово это упростилось в «постовал», образовавшее фамилию Постовалов. Но значение этих слов за пределами донских районов было непонятно, и фамилия Постовалов переосмыслилась, или, вернее, обессмыслилась — стали говорить и писать Пустовалов.

Мастер, выделывавший «бёрда» (гребни у ткацких станков), назывался бердником — отсюда Бердниковы.

Кожевенным и шорным ремеслом занимались предки Кожевниковых, Кожемякиных, Сыромятниковых, Овчинниковых, Шорниковых, Рымаревых, Седельщиковых, Ременниковых.

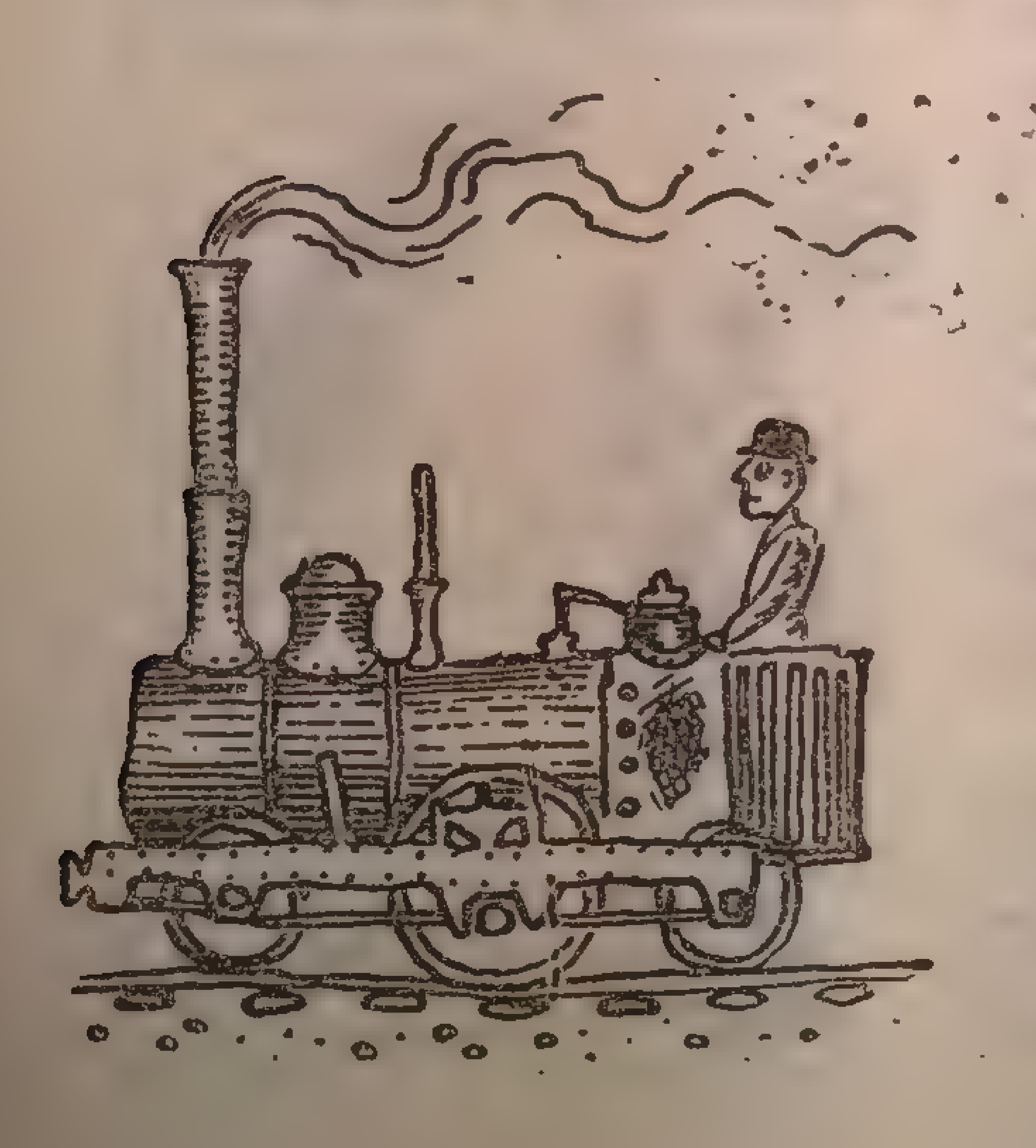
Специалистами по головным уборам были родоначальники Колпашниковых, Шапошниковых, Шаповаловых, Шляпниковых.

Гончары, горшени, черепаны занимались керамическим промыслом. Впрочем, черепанами называли и жителей Череповца.

Бондарные изделия изготовляли предки Кадочниковых, Бондаревых, Бочаровых, Бочарниковых, Бочкаревых.

Широк круг «мукомольных» и «пекарских» фамилий. Это прежде всего Мельниковы, затем Мирошниковы, Прудниковы, Сухомлиновы, Хлебниковы, Калашниковы, Пряничниковы, Блинниковы, Проскурниковы и Просвирнины (от проскура, просвира, или просфора,— обрядный хлебец). Любопытно, что фамилии Пекарев и Булочников сравнительно редки: оба исходных слова вошли в наш язык позднее, только в XVIII веке.

В фамилии Свешников уже не всякий догадывается об исходном — свеча; предки Воскобойниковых тоже сбивали из воска свечи и другие изделия.

Изготовлением и продажей масла занимались предки не только Масленниковых, но и Олейниковых или Алейниковых: олей — растительное масло.

Медиковых и Ветеринаровых вряд ли кто из нас встречал. Лечением людей в старину занимались предки Лекаревых и Балиевых (балий — врач, знахарь), лечением животных — предки Коноваловых.

Немало русских фамилий образовано и от различных наименований «торговых людей»: прáсолы и шибаи торговали скотом; крамари, мосолы, щепетильники и коробейники — мелким товаром; барышники, маклаки и маяки ходили по деревням в качестве скупщиков, бурыги торговали старым платьем и т. п. Фамилия Расторгуев говорит сама за себя. Зато Тархановы кажутся потомками татар. Между тем «тархан» — слово хотя и татарского происхождения, но одно время широко бытовавшее в русской среде. Тарханами называли странствующих торговцев, обычно москвичей и коломенцев, и еще сто лет назад на Волге можно было слышать такую песенку:

Со чужой ли стороны
Наехали тарханы́,
Подмосковные купцы,
Все ребята молодцы.

Фамилия Целовальников тоже «торговая». Целовальниками назывались люди, занимавшиеся казенной или откупной продажей вина в розницу. Естественно услышать вопрос: при чем же тут поцелуй? А вот при чем: получая право на эту весьма выгодную торговлю, целовальники были обязаны «целовать крест», присягая, что будут торговать честно и отдавать казне положенный процент.

А вот наиболее вероятное пояснение некоторых других «профессиональных» фамилий:

Аргунов	аргун	так звали владимирских плотников
Бортников	бортник	человек, занимавшийся лесным пчеловодством
Бронников	бронник	оружейник, изготовлявший броню
Булатников	булатник	мастер, изготовлявший изделия из булатной стали
Войтов	войт	сельский староста в некоторых губерниях царской России
Воро́тников	воро́тник	привратник, сторож у ворот
Гу́сельников	гу́сельник	гусляр
Живейнов	живейный извозчик	(в отличие от ломового возил людей)
Земцов	земе́ц	пчеловод, пасечник

Кологривов	кологрив	служитель у царских коней (стоял «около гривы»), но может быть и от города Кологрив
Коломийцев	коломиец	в старину на Украине рабочий, добывавший соль, но может быть и житель города Коломыя
Комиссаров	комиссар	в старину чиновник, выполнявший полицейские функции
Кухмистеров	кухмистер	содержатель «кухмистерской», то есть столовой
Мечников	мечник	воин, вооруженный мечом
Резников	резник	мясник, забивающий скот
Решетников	решетник	мастер, изготовляющий решёта (не решетки!)
Ружников	ружник	священник, получавший особое содержание от князя или прихожан
Сапельников	сопельник	играющий на сопели — старинной дудке
Сердюков	сердюк	казак из гвардии атамана
Сотников	сотник	командир воинского подразделения — сотни
Стольников	стольник	служитель за царским столом
Сырейщиков	сырейщик	скупщик сырого мяса
Трубников	трубник	трубач
Фурманов	фурман	извозчик
Чумаков	чумак	украинский крестьянин, возивший на Дон хлеб и привозивший оттуда соль и рыбу

Следует добавить: к «профессиональным» фамилиям можно отнести и те, что произошли не от названия профессии, но и от самого объекта ремесла. Так, шапочника могли прозвать просто Шапкой, а потомки его стали Шапкиными, гончара — Горшком, кожевника — Скуратом (что означает лоскут кожи), бочара — Лагуном (бочкой). Иные же прозвища давались от орудия труда: сапожника окрестили Шилом, плотника — Топором и т. п. Из уроков литературы вы знаете, что уподобление по сходству называется метафорой, а уподобление по смежности — метонимией. Разумеется, отделить метафорические фамилии от метонимических, не зная родоначальника,— задача не из легких.

Ведь Бочкой могли прозвать и толстого человека и бочара, Шилом — и сапожника и острого на язык. А если нам известно, что, скажем, родоначальник Шиловых был и сапожником, и острословом, тут уж просто остается гадать: какое же из этих свойств привело к образованию фамилии. Может быть, оба сразу.

И в заключение закономерен вопрос: почему же в фамилиях в столь незначительной степени отражены названия новейших профессий? Да очень просто: в XVIII—XIX веках специалисты, как правило, уже имели свои наследственные фамилии и в новых не нуждались. Из более или менее современных фамилий этого рода чаще других встречаются Машинистовы. Но вряд ли это потомки первых паровозных машинистов. В конце XVIII века машинистом назывался человек, обслуживающий всякую машину, то есть машинный рабочий или механик.

ОТКУДА ВЫ?

Заметное число русских фамилий происходит от названий и прозвищ пришельцев, выходцев из других мест. Естественно, что любой пришелец первое время рассматривался старожилами прежде всего как «чужой», «не свой», и это качество заслоняло все остальные. Весьма понятны в этом свете фамилии Новожилов, Новоселов, Чужаков, Иноземцев. Сегодня нового члена коллектива мы называем новеньким, новичком. В старину преобладало не уменьшительное новичок, а новик, чему свидетельствует распространенность фамилии Новиков, ударение в которой с забвением слова нови́к переместилось на первый слог. Прежде произносили только Новико́в [1].

Однако не всем пришельцам старожилы давали столь общие прозвища. Чаще прозвища закрепляли название места, откуда новик, его родной край или национальность. Выходец из Мещоры назывался Мещеряк (Мещеряковы), с правобережной Украины — Черкас (Черкасовы), из Карелии — Карела (Карелины).

Россия издавна привлекала к себе иноземцев — представителей соседних, да и дальних народов. Немало их еще с древних

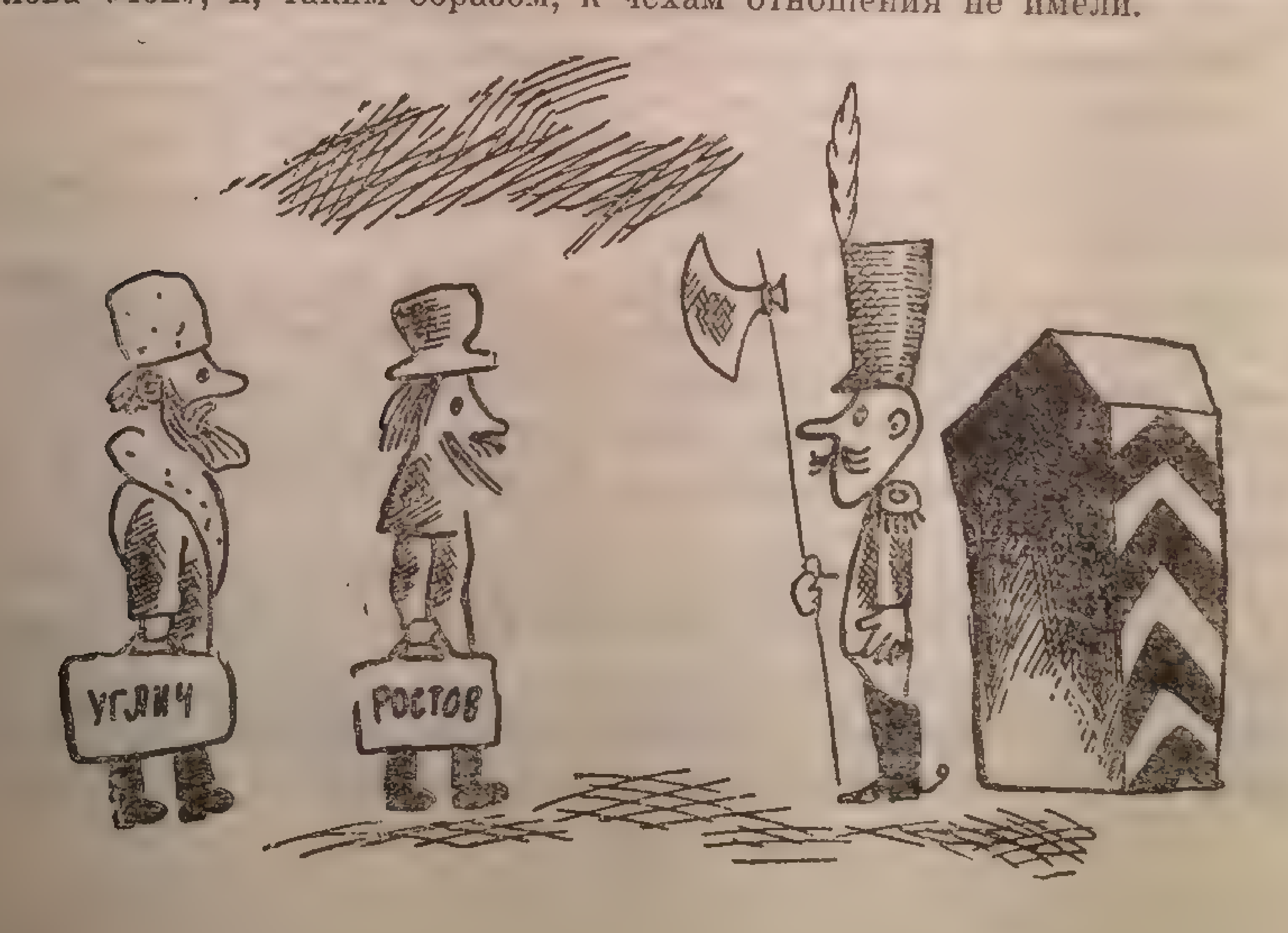
[1] Слово «нови́к» в старину имело и некоторые другие значения (например, было придворное звание новик), но, думается, большинство Новико́вых имело предком именно новичка, новосела.

времен переселилось к нам и обрусело если не в первом, то во втором-третьем поколениях. Раньше всего (с христианизации) явились греки: от них пошли Гречаниновы, Грековы, Грецкие. До XVIII века многих западноевропейцев называли немцами или немчинами — от «немой», непонимающий языка. Поэтому Немцевы и Немчиновы (если их предок был не русский, немой) — потомки не только германцев, но и других выходцев из Западной Европы. Итальянцев звали фрязинами — отсюда Фрязиновы, Фряновы. Фамилии Шведов, Поляков и Ляхов, Венгров и Венгеров (в Белоруссии и на Украине — Угринович, от угрин — венгр), Саксонов и Прусаков, Литвинов и Литовцев, Латышев и Чехов [1], Сербин и Хорватов, Туркин, Турчанинов и Персиянинов в пояснениях не нуждаются.

Перебирая в уме наших западных соседей, замечаем, что вряд ли кто из нас встречал фамилии «Финнов» и «Эстонцев». Не странно ли? Неужели же никто из них никогда не переселялся на Русь? Разумеется, переселялись, но в послепетровское время они сохраняли в России свои национальные фамилии, а до того русские обозначали финнов и эстонцев общим словом «чудь» (вспомним Чудское озеро!) или «Чухна». Отсюда фамилии Чудинов, Чухнин, Чухонцев, хотя Чудином или Чудом могли прозвать и русского ребенка за какую-то его странность; вспомним современное слово «чудной».

---

[1] Впрочем, многие Чеховы писались ранее Чоховыми, от русского слова «чох», и, таким образом, к чехам отношения не имели.

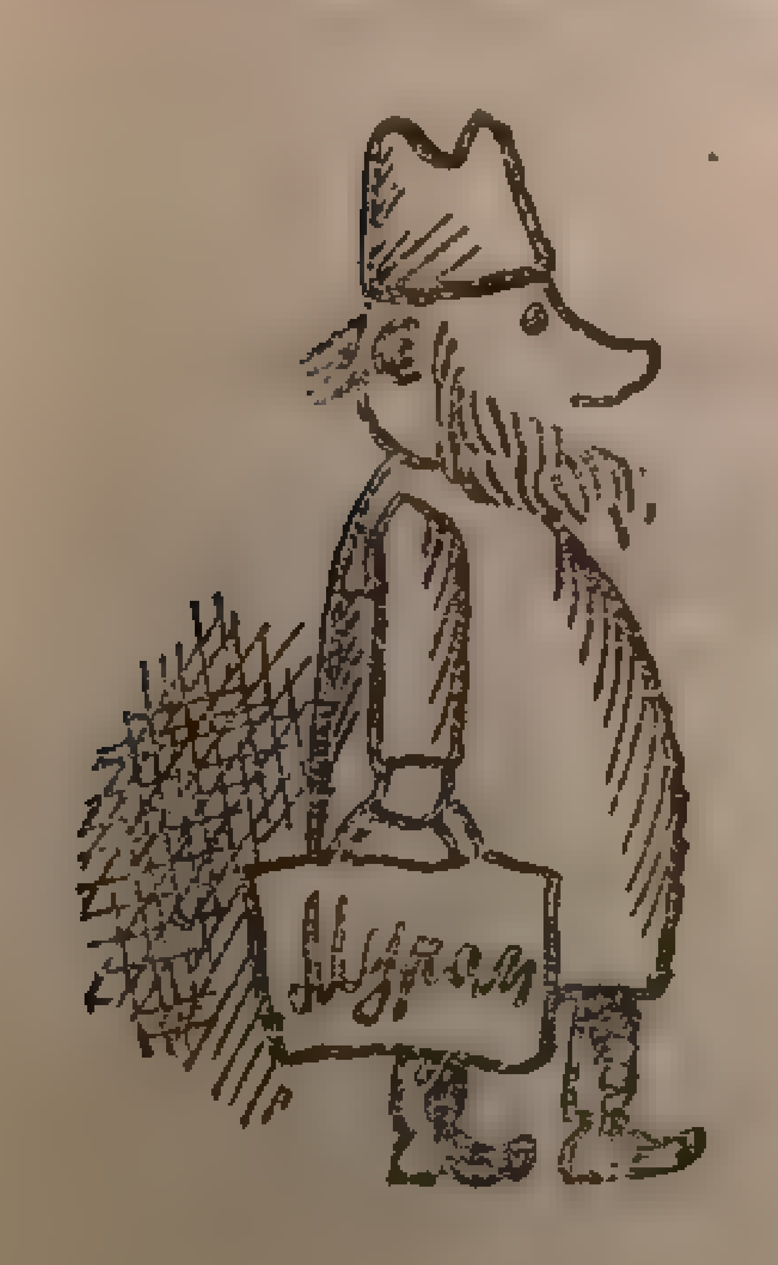

Фамилии Румынов и Албанцев у нас не часты. В старину румын называли валахами, влахами, волохами, а албанцев — арнаутами. Фамилии Валахин, Влахов, Волохов, Арнаутов свидетельствуют о том, что отдельные румыны и албанцы также оседали на Руси, русели и обзаводились потомством.

Поселялись в России и выходцы из более дальних стран: об этом напоминают Голландцевы и Португаловы; немало Французовых — потомков бывших пленных наполеоновской армии или же тех, кто приехал в Россию в поисках работы еще раньше, в XVII—XVIII веках. Очень редки Англичанииовы, хотя первые англичане прибыли в Россию еще при Иване Грозном. Некоторые родовитые англичане, осев на Руси, сохранили свои фамилии, но в руссифицированном виде: Гамильтоны стали Хомутовыми, Гаррахи — Гороховыми и т. п. Выдающийся наш лексикограф, составитель знаменитого словаря, Владимир Иванович Даль утверждает, что англичан называли на Руси асеями из-за их частого обращения к русским со словами I say (Ай сэй) — послушай-ка. Стало быть, и некоторые Асеевы, возможно, имели предка англичанина, хотя большинство их, конечно, потомки людей, носивших забытое ныне русское календарное имя Осей (Осúя).

Среди русских фамилий немало и таких, которые происходят от названий народов, с давних пор проживающих в едином государстве с русскими: Украинцевы и Хохловы, Белорусовы и Молдавановы, Татариновы и Башкировы, Мордвиновы и Зыряновы и т. п. Что касается украинцев, то, поселяясь в России, они нередко руссифицировали свои фамилии, прибавляя к характерному суффиксу *енко — в:* Павленков, Марченков, Клименков.

Ребенок от русского и нерусской назывался болдырь, отсюда распространенная фамилия Болдырев.

Многие фамилии напоминают о городе, откуда вышел родоначальник: Белевцев, Ярославцев, Ростовцев, Муромцев, Рязанов. Ряд старинных фамилий сохранил и древние, умершие суффиксы, обозначавшие принадлежность к городу: Болховитинов (болховитин—житель Болхова), Веневитинов (от Венёв), Массалитинов (из Мосалитинов; мосалитин — житель Мосальска), Московцев (от Москва).

«Речные» фамилии всем известны: Волгины, Невские, Днепровы, Донские, Мезенцевы.

Но есть фамилии, образованные от названий малоизвестных рек и потому не столь явные: князья Волконские объясняли, что род их вышел из местности у реки Волконь в Тульской губернии; предки Ухтомских жили на речушке Ухтоме (таких две — недалеко от Владимира и близ Белого озера); писатель А. И. Куприн говорил, что его фамилия происходит от маленькой речки Купря около Тамбова.

Ряд фамилий произведен от нарицательных географических имен, из которых многие стали собственными. В Центральной России сотни деревень называются Горки; отсюда Горские, Горкины. Островом раньше назывался не только остров, но и небольшой лес; многие села в России, Белоруссии и на Украине именуются Остров. Отсюда Островские. К этому же типу фамилий относятся Дубровские, Гаевские, Заболотские, Боровские, Полянские, Городецкие, Загорские, Рощины, Садовские, Еланские (елань — большая поляна или пашня на возвышенности, но есть и река Елань). Каменские и Каминские — потомки выходцев из селений Камень (по-украински Каминь), Каменка, Каменское, которых немало на Украине и в Белоруссии.

Вообще «географические» фамилии с окончанием *кий*, образованные чаще всего от названий небольших городов и иных населенных пунктов Белоруссии, Литвы и правобережной Украины, весьма многочисленны. Большинство таких фамилий возникло в XIX веке, когда выходцам из этих селений, по-старому «местечек», пришлось обзаводиться документами. Многие, недолго думая, выбирали себе фамилию по названию родного места. Излюбленное окончание *кий* объясняется, несомненно, влиянием польского языка; эти края долгое время, до самого конца XVIII века, принадлежали Польше, а очень многие польские фамилии образуются именно по такому принципу.

Вот пояснение наиболее распространенных фамилий подобного типа:

Амчиславский — от г. Мстиславль (в просторечии Амчислав), Могилевской обл.
Антокольский — от Антоколь, ныне Анткалнай, Литовской ССР
Бершадский — Бершадь, Винницкой обл.
Боярский — Боярка около Киева
Бродский — Броды, Львовской обл.
Быховский — Быхов, Могилевской обл.
Городинский — Городня, Черниговской обл.
Дашевский — Дашев, Винницкой обл.

Дубенский — Дубно, Ровенской обл.
Жирмунский — Жирмуны, Гродненской обл.
Заславский — Заславль, Минской обл.
Кривицкий — Кривичи, в Минской и Могилевской обл.
Кричевский — Кричев, Могилевской обл.
Лебединский — Лебедин, Сумской и Черкасской обл.
Липовецкий — Липовец, Винницкой обл.
Литинский — Литин, Винницкой обл.
Лукомский — Лукомль, Витебской обл.
Миропольский — Мирополь, Житомирской обл.
Ольшанский — Ольшана есть в Черкасской и Сумской обл. Ольшанка — в Кировоградской обл.
Полонский — Полонное, Хмельницкой обл. В некоторых случаях — от латинского слова «полонус» — польский.
Пумпянский — Пумпяны, ныне Пумпенай, Литовской ССР
Радунский — Радунь, Гродненской обл.
Слонимский — Слоним, Гродненской обл.
Торчинский — Торчин, Волынской обл.
Трояновский — Троянов, Житомирской обл.
Уманский — Умань, Черкасской обл.
Хмельницкий — Хмельник, Винницкой обл.
Черняховский — Черняхов, Житомирской обл.
Чудновский — Чуднов, Житомирской обл.
Шацкий — Шацк в Минской и Волынской обл.
Шкловский — Шклов, Могилевской обл.
Ямпольский — Ямполь — четыре поселка в разных областях УССР.

Таким же образом, но гораздо раньше возникали многие хорошо известные нам дворянские фамилии, хотя разница была велика: у дворян фамилии показывали не только, где *жили*, но и чем *владели* предки. Мстиславские-князья владели землей, на которой жили предки Мстиславских-мещан. Не так давно в газетах можно было прочитать, что колхозники белорусского села Достоево создали музей Ф. М. Достоевского. Великий писатель никогда не бывал в этом селе, но в XVI—XVII веках им владели его предки. Таково же происхождение фамилий Боратынский, Одоевский, Даргомыжский (будущий композитор появился на свет в родовом имении — селе Даргомыж, Тульской губернии).

Как видите, многие фамилии — даже не столь известных людей — нам более знакомы, нежели населенные пункты, от которых они образованы. Что ж, антропонимия обогащает и наши

географические познания — это тоже неплохо. А читателям с фамилией на *кий*, не нашедшим себя в нашем списке, но интересующимся истоками своего «родового имени», посоветую: загляните в алфавитный указатель населенных пунктов, которым снабжены крупные атласы. За успех не ручаюсь, но, быть может, вы обнаружите на крупномасштабной карте родину ваших предков и даже, любопытства ради, когда-нибудь посетите неведомый вам уголок нашей страны, породивший часть вашего «я» — фамилию.

В заключение разговора о «географических» фамилиях хочу предупредить еще об одной трудности: не всегда вам помогут отличное знание географии и даже подробнейший атлас. Вы знакомитесь с человеком, который представляется: Чердаков. Неужели предка его прозвали Чердаком? Да, несомненно, но скорей всего не тем чердаком, что под крышей, а чердаком — жителем городка Чердыни. Таких неофициальных, иногда насмешливых прозвищ в старину было немало. Жителей Галича называли не только галичанами, но и галками — не отсюда ли некоторые Галкины? В Кромах жили не только кромчане, но и кремляне (хотя никакого кремля там нет), в соседнем Мценске — амчане. Жителей Одоевского уезда дразнили «адуями» — фамилией Адуев Гончаров даже наградил героя своей «Обыкновенной истории». Какой-нибудь Мещанинов к сословию мещан мог не иметь ни малейшего отношения: так величали жителей Мещовска, Калужской губернии, даже если они числились крестьянами.

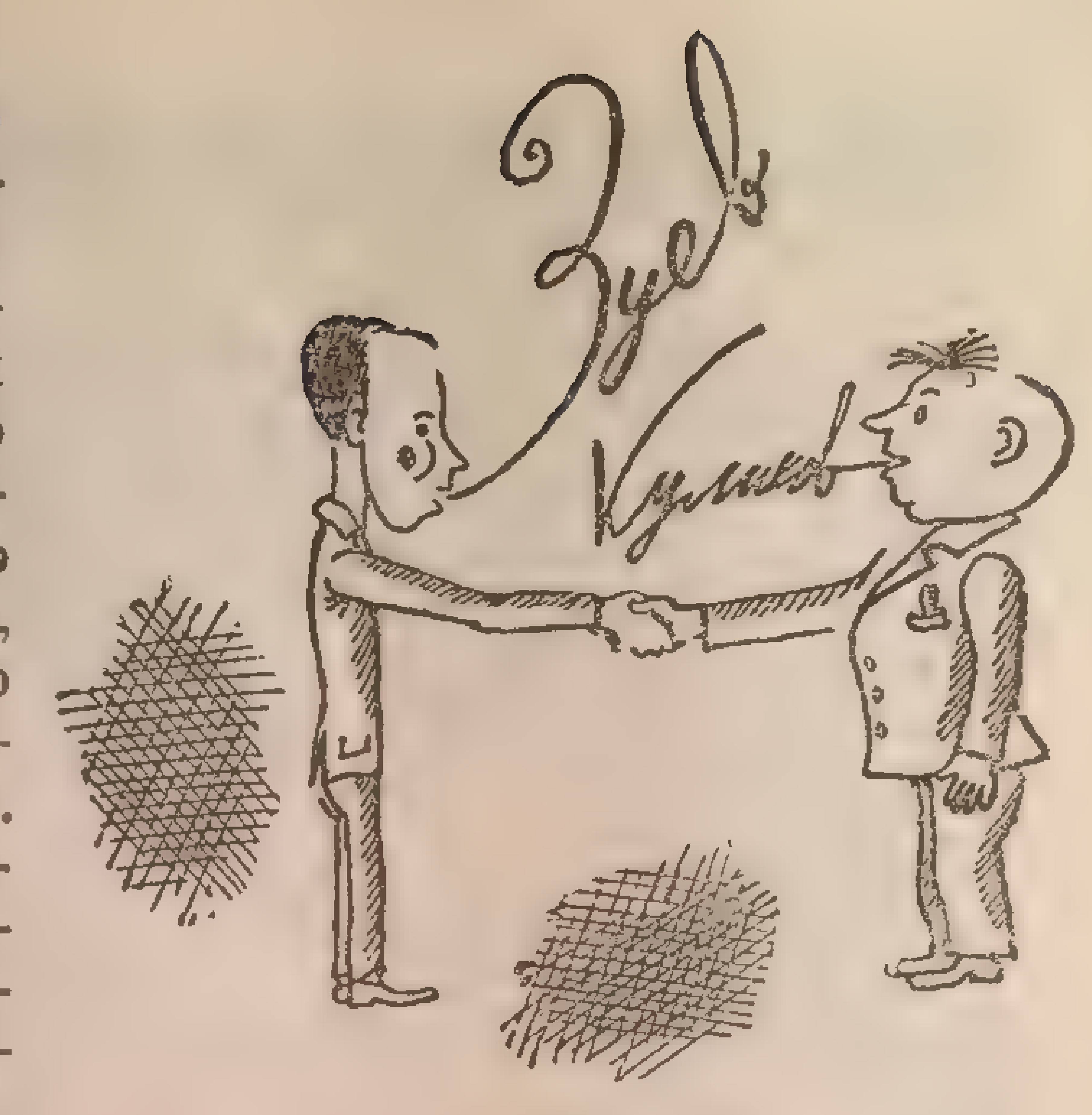
Вот какие загадки ставит подчас перед исследователем богатая и прихотливая живая речь русского народа!

ФЛОРА И ФАУНА

Очень многим людям прошлых веков давались имена и прозвища, почерпнутые из богатейшей русской флоры и фауны. Современные фамилии хранят в себе сотни названий животных (как домашних, так и диких), птиц, рыб, насекомых, растений. Вряд ли среди ваших знакомых, читатель, не найдется Баранова, Волкова, Медведева, Уткина, Воробьева, Ершова, Муравьева, Комарова, Малинина или какого-либо другого «представителя» животного и растительного мира.

Большинство фамилий этого типа столь привычно и нагляд-

но, что не требует объяснений. Наши предки, придумывая человеку имя или прозвище, охотно обращались к названиям местных животных и растений, то есть к тому, что их окружало, с чем постоянно приходилось общаться, что кормило и помогало или с чем приходилось бороться и подчинять себе.

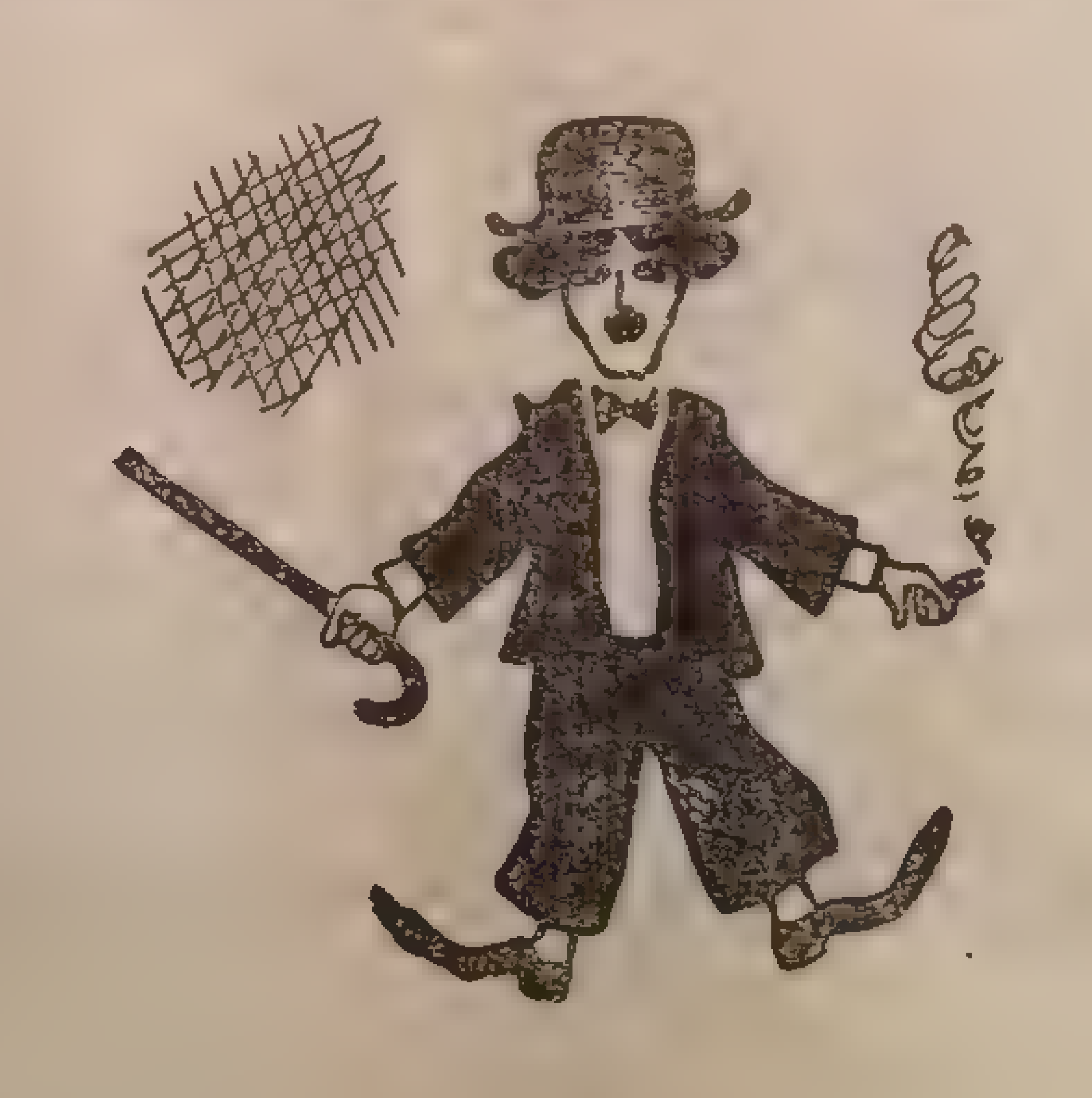

Почему к человеку приставала кличка такого рода, вам уже нетрудно догадаться: либо *по сходству*, либо *по смежности*. Уткой могли прозвать, например, человека, ходившего, переваливаясь с ноги на ногу, наподобие утки; либо заядлого охотника за утками.

Неграмотный деревенский житель далекого прошлого знал названия и свойства сотен зверьков, птиц, насекомых, трав. Иные из них в разных областях страны назывались по-разному. Многие местные названия не были общеизвестны, некоторые вовсе сегодня забылись. Образованные от них фамилии поэтому мало или совсем непонятны.

Вот пример. Всем известна фамилия Зуев, но что такое зуй — знают не

все. Так в некоторых областях называется птица кулик. Стало быть, Зуевы и Куликовы, так сказать, братья по фамилии. Волка во многих областях зовут бирюком: отсюда многочисленные Бирюковы. Воробей кое-где зовется чивиль (Чивилевы, Чивилихины). Кречет, сарыч, ремез, кобец, королек, курчат, чирок, огарь, дергач, чеглок, дудор, селех (селезень) известны не всякому, но образованные от этих слов фамилии звучат привычно.

В некоторых диалектах *ц* меняется на *ч*, и вместо «цапля» говорят «чапля». Таким образом, русские Чаплины — не родня великому киноактеру, ибо «чаплин» — по-английски священник. Вот пример случайного совпадения слов, которое может сбить с толку! В ряде областей СССР цаплю называют также чепырой, чепурой, белку — векшей, скворца — шпаком.

Фамилии, происшедшие от названий животных и птиц, заслуживают пристального внимания. По ним можно судить о древней флоре и фауне нашей страны, о распространенности и популярности среди населения того или иного животного или растения. То, что среди нас много Бобровых, подтверждает, что бобер в древности был не редким, как сейчас, а самым обычным обитателем наших лесов и рек. Туровы показывают, что ныне вымершие дикие быки — туры — были хорошо знакомы нашим предкам (вспомним обращение в «Слове о полку Игореве»: буй тур Всеволод[1]). Зато фамилий Бизонов или Ондатрин не слыхать: эти животные завезены к нам не так давно.

Кочетовы могут считать себя исконными южанами, даже если живут на севере: кочетами называют петухов преимущественно на юге России; следовательно, родоначальник Кочетовых был скорей всего южанином. Зато Гонобоблевы — северяне; в средней полосе ягоду гонобобель называют голубикой.

Бабурины, Кислицыны, Чилимовы, Дягилевы, Турчины, Частухины — «растительные» фамилии, хотя соответствующие растения, быть может, не всем известны.

Естественно, что в качестве имен и прозвищ использовались только те животные и растения, которые встречались в данной местности. Экзотические названия не могли тем самым становиться именами простых русских людей. Крокодиловых, Верблюдовых, Страусовых можно найти разве только в юмористических рассказах. Лианов, Кактусов, Бамбуков тоже, конечно, на русской почве взрасти не могли.

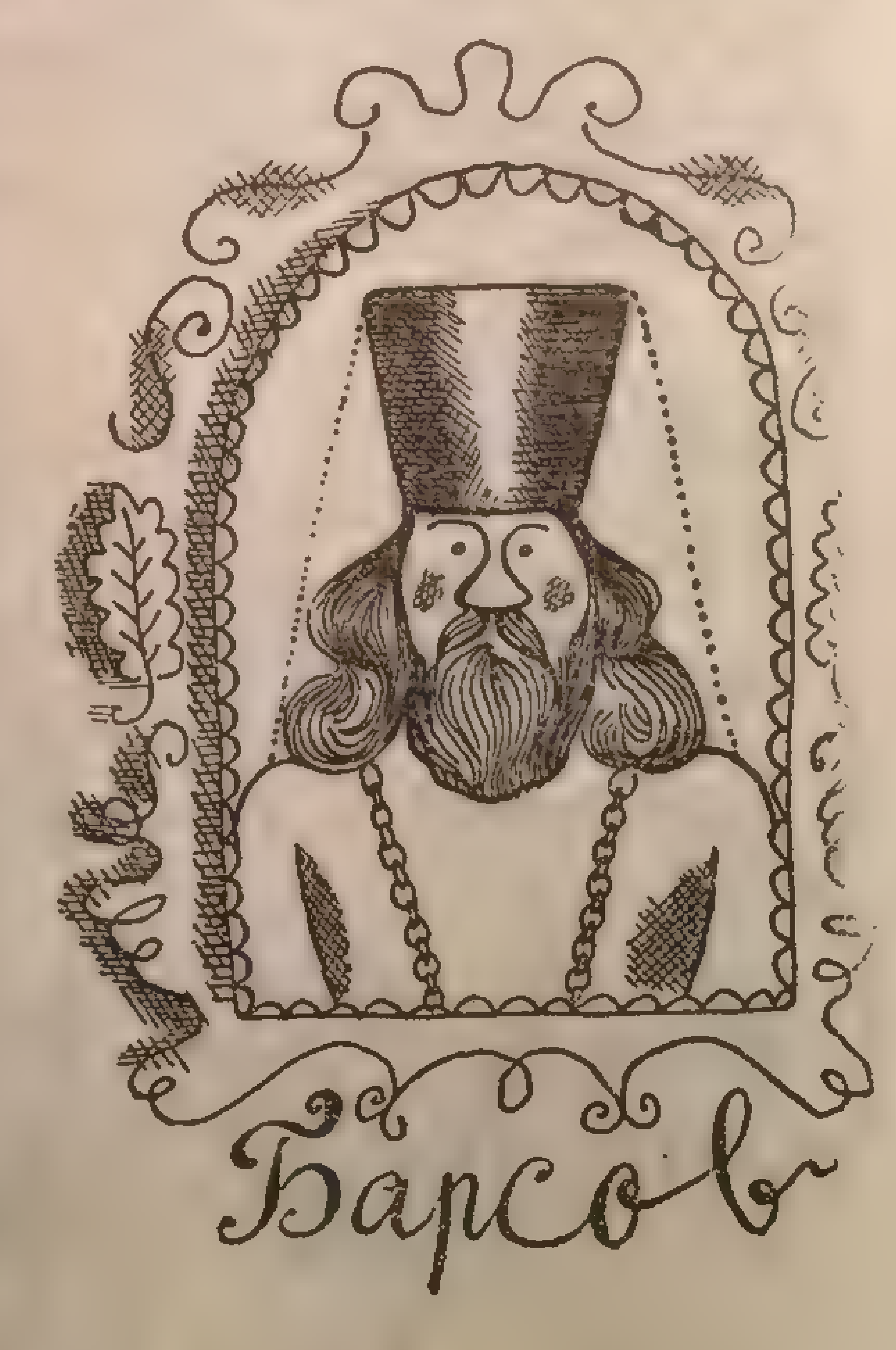
---

[1] Турами называются также горные кавказские козлы, но русским они стали известны сравнительно недавно и попасть в фамилии вряд ли успели.

— Позвольте,— скажет иной читатель,— а как же известная русская фамилия Барсов? Разве в России водились барсы?

Нет, барсы в России не водились, и тем не менее Барсовы в России действительно нередки. Но фамилия эта произошла не от «мирского» имени или прозвища, а появилась сразу же как фамилия в кругах людей начитанных, чаще всего в священнической среде. А там фамилии очень часто придумывались, сочинялись из слов, встречающихся в переводных книгах, где рассказывалось о неведомых странах, экзотических животных и растениях. Об этом источнике русских фамилий мы расскажем поподробнее далее, а пока назовем еще несколько «зоологических» фамилий такого же происхождения: Слонов, Онагров, Попугаев. О том, в какой степени таким же путем использовалась фамилия Львов, судить трудно, так как Львов образуется и от христианского имени Лев. Тигровы тоже могут происходить от родоначальника Тигрия, или Тигра,— в святцах есть и такое имечко!

Более наглядный пример — Виноградов. Это очень распространенная русская фамилия, а между тем виноград на Руси появился поздно, виноградные вина долгое время ввозились из-за границы. Многие Виноградовы XVIII и XIX веков не только никогда не пробовали, но даже не видели винограда. Зато виноград постоянно упоминается в Библии и других древних переводных книгах. Эта фамилия особенно часто давалась будущим священникам; Виноградов звучало солиднее и пристойнее, чем Клюквин, Померанцев (хотя едва ли многие знали точно, что такое померанец), лучше, чем Ежевикин. Фамилии Кипарисов, Смоковников, Кедров (имелся в виду южный кедр), Пальмин, Чипаров, Миртов звучали экзотично, и эти фамилии охотно брались русским духовенством.

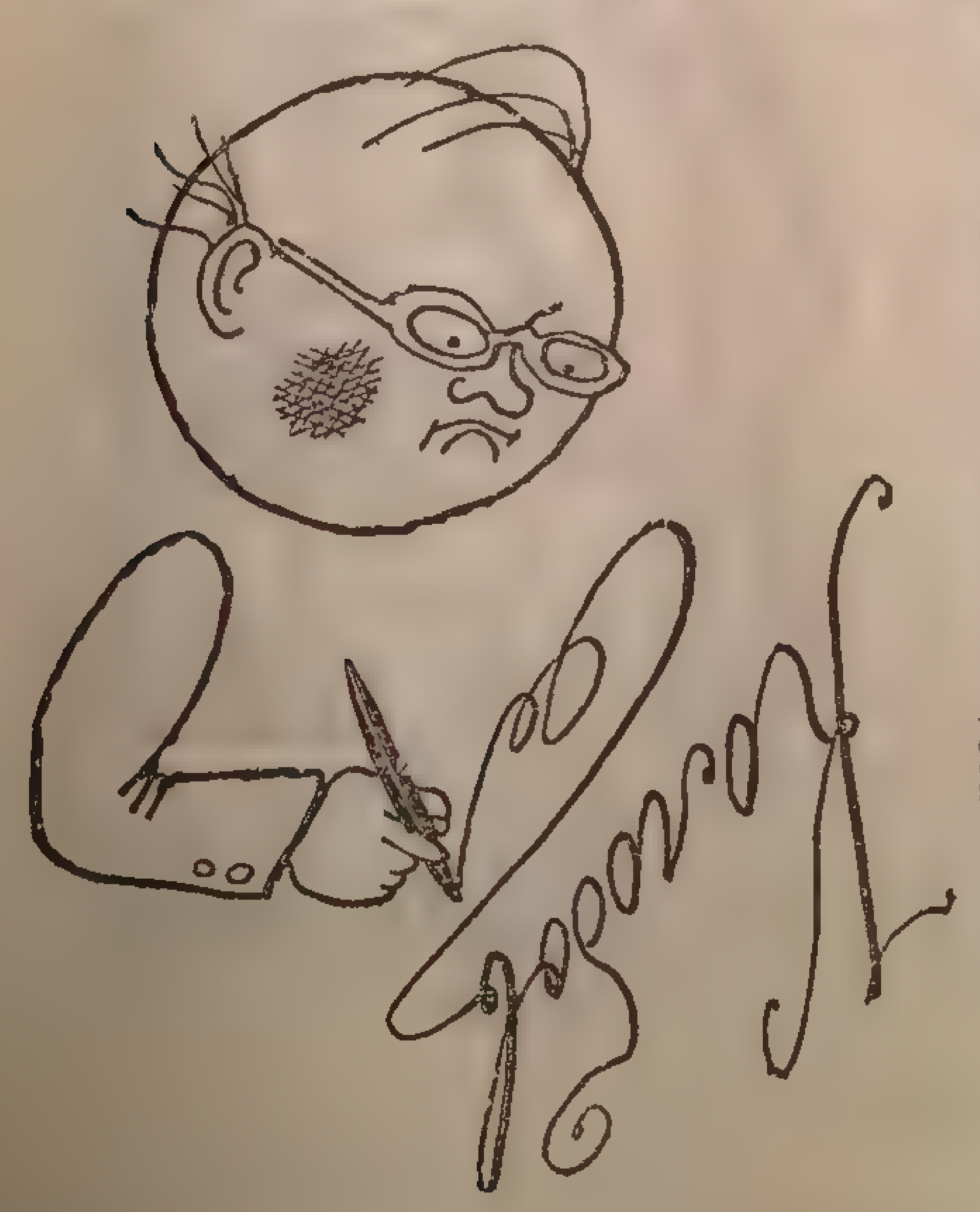

Что касается экзотических растений, то некоторые из них проникали в Древнюю Русь не только по названиям, но и в натуральном виде. Всем известный цветок столетник, или алоэ, обладающий целебными свойствами, разводился в домашних условиях еще в XV веке, будучи завезен откуда-то с Востока. Но назывался он в старину сабур. Сабуром же — метафорически — называли и едкого, язвительного человека. Отсюда фамилия Сабуров. Таково же, очевидно, происхождение фамилии Горчаков: горчак — растение с горьким, ядовитым соком (правда, есть и рыба горчак).

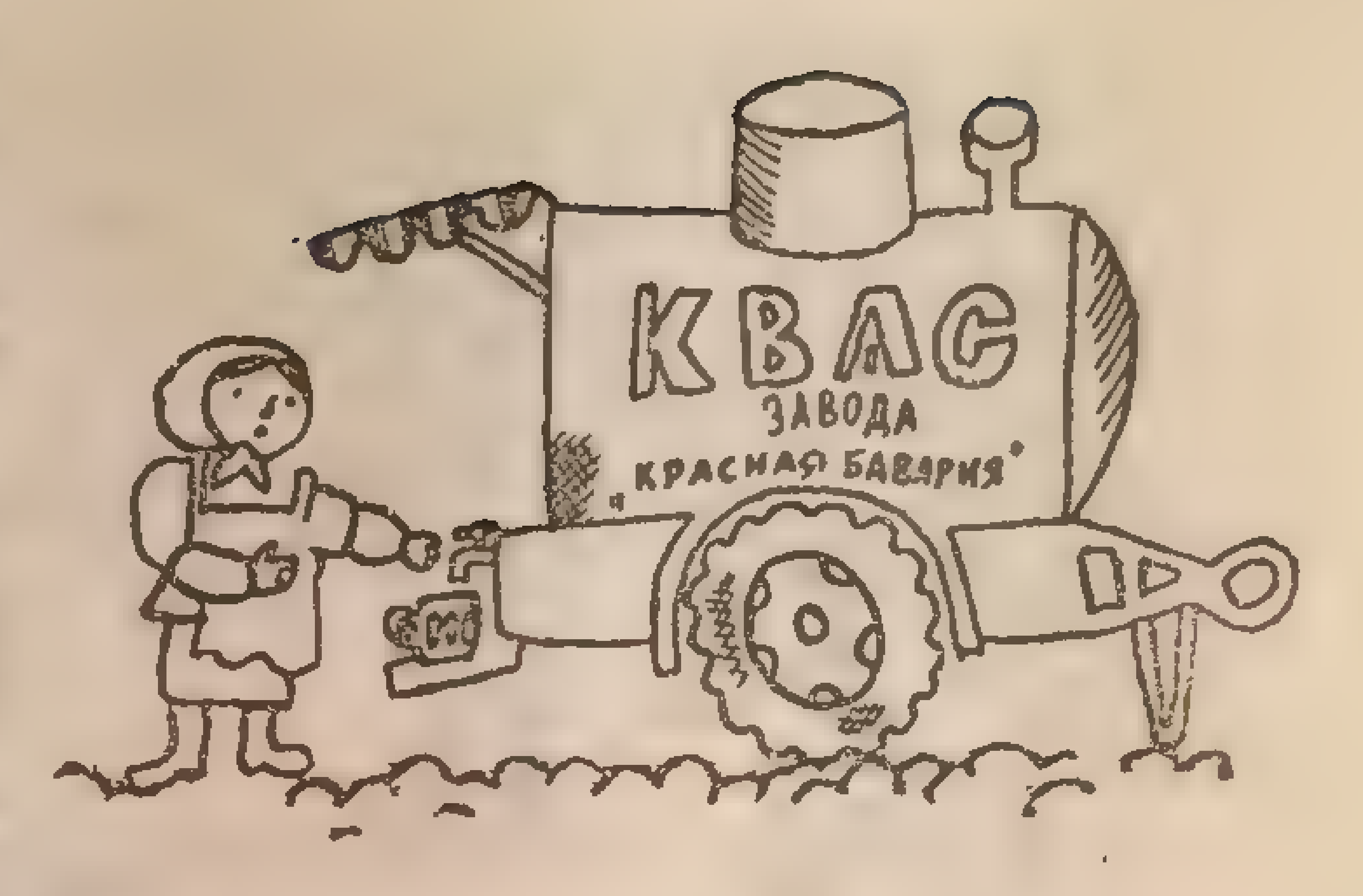
«ДОМАШНИЕ» ФАМИЛИИ

Для историка старого русского быта многие русские фамилии — богатый кладезь. По ним можно дополнить представление о пище, одежде, орудиях труда, домашней утвари русского человека давно прошедших лет. Оказывается, различные элементы ушедшего быта можно найти не только в музеях или специальных книгах, но и вокруг себя, в фамилиях современников, часто не ведающих, что расписываются они словом, таящим в себе забытый предмет из обихода своих предков.

Начнем с пищи. «Щи да каша — пища наша» — гласит старая поговорка. Из слова «щи» фамилию не сделаешь (хотя известны они издревле), зато от слова «каша» и его уменьшительных, ласкательных вариантов образовались фамилии Кашин, Кашкин, Кашутин. Но особенно много в России — древней стране хлеборобов — фамилий, в корне которых названия хлебных изделий, некоторые из которых теперь уже забыты: Караваев, Ковригин, Челпанов, Перепечин (челпан и перепеча — тоже род каравая), Колобов, Колобашкин, Калачев, Коржев, Лепехин, Барабашкин, Кокурин, Тапешкин, Опекушин (послед-

ние четыре — тоже от разных видов лепешек), Чечулин (чечуля — большой ломоть хлеба), Сайкин.

Фамилии напоминают нам и о муке, которой пользовались наши предки. Аржанов — ржаной хлеб, Пшенников — хлеб из пшеничной муки, Овсянников — из овсяной, Ситников — из просеянной, и т. п.

Названия всякого рода пирогов и пирожков, на которые столь изобретательны русские люди, запечатлелись не только в фамилии Пирогов, но и Сгибнев (сгибень — пирог с начинкой), Кукуев (кукуй — мясной пирог), Алабышев, Алабин, Алябьев (от маленьких пирожков с разной начинкой), Сочнев (от пирожка с творогом).

Названия горячих мучных или крупяных блюд — основы всякого обеда — отразились в фамилиях Саламатин, Кулешов, Кулагин, Бордуков, Крупенников. Лапша именовалась также локша, салма, токмач. Широко распространенная фамилия Киселев напоминает о давности этого русского блюда.

Из напитков были в ходу квас (Квасовы), разновидности пива — сусло (Сусловы), елага (Елагины), брага (Брагины), медовые отвары сыта (Сытины) и сбитень (Сбитневы).

В канун праздника готовилось особое блюдо — канунник, покойника поминали кутьёй. О совсем скудной пище крестьян напоминают фамилии Тюрин, Баландин, Похлебкин, Жижин, Бурдин; то, чем забеливали эти блюда (молоко, сметана) — забела (сейчас говорят забелка) — ценилось весьма высоко: не отсюда ли распространенность фамилии Забелин?

Обратите внимание: роскошных блюд нет. Нет и западноевропейской кухни, пришедшей к нам с эпохи Петра. Бульоновых, Котлетиных, Компотовых не встретишь. Обычной едой крестьянина была капуста (Капустиных много), а картофель, получивший широкое признание только при Николае I, так массовую фамилию и не образовал. Сахаром еще до появления в России современного продукта из свекловицы называлось любое сладкое вещество, добываемое из растительных соков; поэтому Сахаровых издавна было много, тем более, что имя Сахар вполне годилось, чтобы называть им любимого младенца.

От того, что ели, перейдем к тому, что носили. Начнем с обуви. Сапоги на Руси известны очень давно, но тот факт, что Сапоговых гораздо меньше, чем Лаптевых, не кажется мне случайным: многие века подавляющая часть населения носила не сапоги и башмаки, а обувь, сплетенную из лыка или веревок. К ней относились также поршни (хотя поршнями назывались и туфли из кожаных лоскутов) и каверзни (Поршневы, Каверзневы). Под них наматывалисьону́чи (в «акающих» говорах — анучи; отсюда — Анучины), перевязываемые веревками-оборами (Оборины).

Немало фамилий обозначают различные виды одежды — Кафтанов, Костычев, Кондырев, Киндяков, Коротаев, Сукманов (все от разновидностей кафтана), не говоря уже о Шубиных. Женская одежда запечатлелась в фамилиях Саянов, Дубасов, Шугаев, Кутасин, Шушунов.

Посуда в деревенской избе в основном была глиняной. Различные сосуды носили названия: корчага, балакирь, гладыш, саган. Непременный в крестьянском хозяйстве пест назывался также толкачом, толкуном, чекмарем. Огонь добывался огнивом (огнивцем), или, как его еще называли, мусатом. Стирали белье с помощью пральника: так назывался валёк.

Нехитрый крестьянский скарб хранился в коробах — плетеных сундуках, часто там была одна лишь шебала (ветошь). На сиденье главы семьи — большака — иногда клали подушечку — кутуз.

В сенях стоял веник или голик (веник без листьев).

Именами и прозвищами становились также названия некоторых орудий труда и иных предметов крестьянского инвентаря. Мы отчетливо слышим их в фамилиях Скобелев и Скрябин (скряба — то же, что скребок), Лопатин и Телегин и т. п. Даже наименования отдельных частей орудий и повозок попали в фамилии: Обухов и Черенков, Лемешев и Рассохин, Полозов и Копылов, Колесов, Спицын, Чекин и т. п.

МИРСКИЕ МОНАХИ И РУССКИЕ РИМЛЯНЕ

Попов, Монахов, Пономарев, Звонарев, Дьяконов, Дьячков, Игумнов — все эти фамилии напоминают о должностях православной церкви. Чаще всего встречаются Поповы — в одной Москве их двадцать тысяч.

Можно задаться вопросом: неужели в старой Руси было такое множество священников, что их потомки — Поповы — встречаются теперь на каждом шагу? Вовсе нет. Далеко не все Поповы, как это ни странно,— потомки священников, потому что отнюдь не все Попы были попами. Видный антропонимист Н. М. Тупиков, изучавший древнерусские имена и прозвища по средневековым документам, приводит в своем словаре 14 реально существовавших в XV—XVI веках людей, по имени Поп и Попко́ (уменьшительное от Поп): большинство из них — крестьяне, и ни один не обозначен священником.

Так же обстоит дело с Монаховыми. Известно, что монахи не имели права обзаводиться детьми. Если и случался грех, то монах никак не стремился усыновлять ребенка и тем более называть его Монаховым. Между тем людей с прозвищем «Монах» в старину было немало, о чем можно судить по распространенности фамилии Монахов. Монахи назывались и чернецами (Чернецовы).

Дело обстояло просто. Либо религиозная мать давала младенцу имя Поп или Монах из уважения к этим почитаемым ею людям. Либо уже за взрослым человеком закреплялось прозвище «Поп» или «Монах» по каким-то сходным чертам. Еще не так давно можно было услышать, как о человеке говорили: важный, будто поп; смиренный, как монах. А вполне мирской Монах обзаводился вполне законными потомками, и называли их сызмальства Монаховыми.

То же относится к имени Игумен (настоятель монастыря), с тем отличием, что давалось оно, как свидетельствует Тупиков, детям более знатных, состоятельных семейств. Игумен — персона важная, не какой-нибудь там поп или монах, и давать такое имя крестьянским детям, по-видимому, возбранялось. Игумновых немного.

Что же касается фамилий Пономарев, Звонарев, Дьячков, Трапезников (все — от названия низших церковных должностей), Ктиторов (ктитор — церковный староста), то исполнение соответствующих обязанностей не требовало «посвящения в сан»; с другой стороны, эти названия не были столь заманчивыми, чтобы нарекать ими детей. Поэтому скорее всего родоначальники названных фамилий получали их прямо от звания отцов. И хотя в нашей книге мы не занимаемся исследованием украинских фамилий, замечу попутно, что загадочные для многих фамилии Паламарчук и Титаренко происходят от украинских слов паламарь, то же что пономарь и титарь (искаженное ктитор).

Но этим тема «церковные фамилии» не исчерпывается. Она весьма обширна, занимательна и поучительна.

В XVIII веке русская церковь распространила по всей стране сеть своих начальных и средних учебных заведений — духовных училищ и духовных семинарий. Туда принимались лица всех сословий: преимущество давалось детям церковнослужителей; обучение было бесплатным. Естественно, что бедный люд, стремясь дать сыновьям духовное образование, открывавшее доступ в привилегированное сословие, охотно отдавал их в такого рода школы. Выдержав экзамен, крестьянский паренек заносился в училищный реестр. При этом спрашивали его фамилию.

Чаще всего ответом было отчество без суффикса «ич» — Яков Иванов (сын), или Лука Петров (сын). Подобное прозвание — Иванов, Петров — казалось слишком обычным, простонародным. Ведь священник должен был отличаться от своей паствы всем, в том числе и фамилией. С конца XVII века, когда в Центральную Россию хлынули носители церковной премудрости из Киева и соседних районов Украины, в моду среди священников вошли фамилии с окончанием на *кий,* что считалось среди украинских пастырей признаком высокородности и высокоучености.

Впрочем, и на Руси фамилии на *кий* издавна звучали аристократично: так именовались по своим вотчинам князья и другие родовитые люди: Шуйский, Вяземский, Воротынский, Оболенский. С эпохи Петра этим громким суффиксом завладело и

духовенство. И вот крестьянский сын Иванов переименовывался в семинариста Ивановского или Иваницкого, а сын лавочника Лука Петров — в Петровского или Петрицкого.

Часто безропотному новичку тут же выдумывали фамилию по названию приходской церкви, откуда он прибыл: Троицкий, Успенский, Спасский, Покровский, Вознесенский. В других случаях в фамилию семинариста превращалось название родной деревни: Ковалевский, Пестовский, Сиьковский. Истолкование такого рода фамилий — вещь чрезвычайно неблагодарная: мыслимо ли знать названия всех русских сел и деревень? Дед «неистового Виссариона» — В. Г. Белинского — был священником села Белынь. Сначала фамилия писалась Белынский; наш великий критик, будучи студентом, изменил ее на Белинский. Отец Н. Г. Чернышевского при поступлении в духовное училище получил свою фамилию по родному селу — Чернышеву. Отец писателя Златовратского был дьяконом известного во Владимире храма у Золотых Ворот. Дед автора «Очерков бурсы» Помяловского происходил из села Помялова, Новоладожского уезда. Прадед историка Ключевского служил в селе Ключи на Тамбовщине. Не зная этих фактов, мы вряд ли смогли бы догадаться о происхождении названных фамилий.

Впрочем, в воспитательных целях наставники будущих священников нередко придумывали своим подопечным и совершенно новые, нравоучительные фамилии: Богословский, Добромыслов, Добронравов, Тихонравов, Добровольский, Десницкий (то есть стоящий одесную, справа от бога). Но и эти фамилии не всегда удовлетворяли наставников. Фантазия их была подчас безудержной: русскому парню по прихоти какого-нибудь ученого пастыря присваивалась непонятная фамилия, образованная из слов тех языков, на которых написаны главные церковные книги: латыни, древнегреческого и древнееврейского. Эти фамилии обычно были призваны выразить действительные или желаемые качества того или иного ученика, иногда же содержали какое-нибудь церковное понятие.

Вот перечень некоторых «латинских» фамилий:

ФАМИЛИЯ	ИСХОДНОЕ СЛОВО	ПЕРЕВОД
Альтовский	альтус	высокий
Магницкий	магнус	большой
Гумилев, Гумилевский	гумилис	низкорослый

ФАМИЛИЯ	ИСХОДНОЕ СЛОВО	ПЕРЕВОД
Грацианский	грациа	благодарность
Гиляров, Гиляровский	гилярус	веселый, бойкий
Лентовский	лентус	медлительный
Новицкий	новус	новый (новичок)
Оранский	ораре	молиться
Приоров	приор	первейший
Промптов	промптус	быстрый
Савицкий	савис	любезный, милый
Соллертинский	соллерс	искусный, ловкий
Фаворский	фавор	благоволение
Флавицкий	флавус	белокурый

А вот «древнегреческие» фамилии:

Аристов	аристос	наилучший
Артоболевский	арто болис	«бросать хлеб» (церковный обряд)
Митропольский	мэтрополис	церковный округ, управляемый митрополитом
Ставровский	ставрос	крест

«Древнееврейские»:

Левитов, Левицкий	левит	священник
Равинский (часто пишется Ровинский)	равви	учитель

Нередко семинарское начальство ради благозвучия попросту переводило — чаще всего на латынь — обычную русскую фамилию своего подопечного: Белов становился Альбовым, Боб-

ров — Касторским, Надеждин — Сперанским, Соколов — Фальковским...

Любили пастыри и «птичьи» фамилии, тем более, что пернатые издревле высоко чтились церковью. Но банальных воробьев и галок оставляли без внимания: предпочитали птиц, отличающихся высотой полета (Орловы, Соколовы), красотой (Лебедевы), сладкозвучным пением (Соловьевы или же по-гречески Аедоницкие). Нередкой среди семинаристов, а затем и священников была фамилия Крылов. О «растительных» фамилиях (Виноградов, Пальмин) уже говорилось ранее. Заметим также излюбленные духовенством «цветочные» фамилии — Розанов, Цветков, Цветаев.

Постепенно до высшего органа православной церкви — синода — стали доходить сведения, что неуемная фантазия начальников духовных учебных заведений привела к тому, что в среде священников распространилось множество фамилий «странных и несвойственных для лиц духовного звания». В самом деле, некоторые семинарские наставники додумывались до имен, никакого отношения к православию не имевших и даже противных ему, вроде Минервин (по имени языческой богини), Реформатский (хотя никакой Реформации православная церковь не признавала) или Неронов (несмотря на то, что этот римский император был злейшим гонителем христиан). Отцы церкви не на шутку встревожились. Указом 1846 года присваивать ученикам духовных семинарий новые выдуманные фамилии строго-настрого запрещалось; впредь семинаристы должны были сохранять фамилии своих отцов, а дети бесфамильных — получать фамилии, произведенные от имени отца.

Однако за сто лет семинарское начальство успело наплодить немало фамилий, странных для русского уха. Встречаются и такие, как Зороастров (по имени индийского пророка), Гидаспов (по индийской реке), Зодиев (от слова «зодий», то есть Зодиак), Орлеанский (по названию французского города), Фивейский (по греческому городу Фивы) и даже Амфитеатров и Феноменов.

Но большинство выдуманных в семинариях фамилий успело прижиться на русской почве и уже не ощущается нами как чужеродные. Читатель может обратить внимание, что почти все они не только сейчас, но и прежде принадлежали людям чисто светских профессий, многие из которых прославились на поприще науки, техники, искусств, военного дела. Чем это объясняется?

Прежде всего тем, что из детей духовенства вышло немало передовых людей России. Естественно, фамилия оставалась за ними, за их детьми, внуками, правнуками. Никого не удивит, что какой-либо наш современник, по фамилии Боголюбов, является стопроцентным материалистом и к тому же воинствующим атеистом.

Во-вторых, церковная фамилия не всегда означает наличие предка-священнослужителя. Окончивший духовную семинарию (а при недостатке светских это было весьма популярное учебное заведение) не обязан был постригаться в дьяконы или священники. Юноша мог и вовсе не окончить семинарии — уйти добровольно или быть исключенным; уходя же, уносил свою новую фамилию. Окончившие семинарию — даже с отличием — часто избирали себе вполне светскую карьеру: шли в университеты, становились учителями, лекарями, чиновниками, торговцами, военными. Вот почему людей с фамилиями церковного происхождения в СССР в несколько раз больше, чем потомков служителей православной церкви.

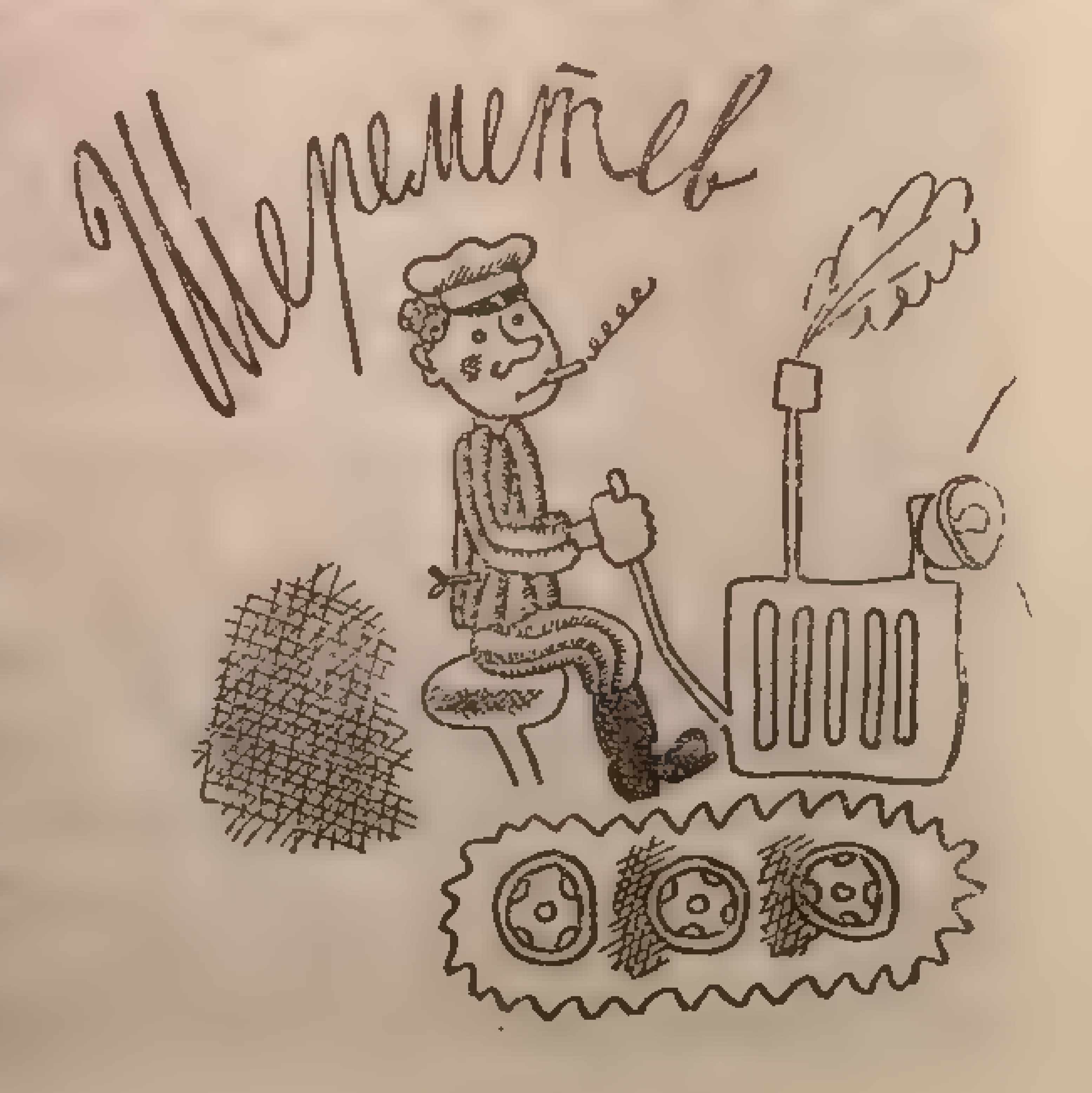
КРЕСТЬЯНЕ ИЛИ КНЯЗЬЯ?

В газетах иногда можно прочитать о ткачихе Волконской, токаре Шаховском, комбайнере Шереметеве. Неужели все эти трудящиеся люди — выходцы из знатных дворянских семейств?

Нисколько. Но какое-то отношение к этим родам они все-таки имели. И вот каким образом. Во времена крепостного права помещик иногда давал «волю» крепостному — безвозмездно или за деньги. Случалось, что при этом он «делал честь» своему рабу, записывая его в отпускной под своей барской фамилией — дескать, век обо мне должен помнить и бога молить. Но чаще бывало иначе.

В 1860-е годы после отмены крепостного права сотни тысяч крестьян, оставшихся без земли, потянулись в поисках работы в города. Чтобы переменить место жительства и наняться на работу (хотя бы временно), нужно было обзавестись паспортом: «беспачпортных» не только не брали на работу, но и наказывали как бродяг. И вот крестьянин отправляется к местному начальству за выпиской паспорта. А в паспорте была графа — «фамилия». Что это такое, крестьянин обычно и понятия не имел. Происходил примерно следующий разговор. Чванный писарь спрашивал: «Фамилия?» — «Чего?» — «Прозвание, спрашиваю, какое?» — «Сидоровы мы» (по имени отца и деда). Или же вспоминалось прозвище родителя: Бобылевы, Лихачевы, Гореловы, а то и название деревни. Поскольку таким же образом в дальнейшем происходила регистрация оседлых жителей, то до сих пор очень многие деревни населены людьми, фамилии которых совпадают с наименованием родного места. В этих случаях обычно не деревня получала название от своих коренных жителей, а гораздо чаще наоборот: жителей именовали по названию деревни, подчас образованному из фамилии помещика.

Но бывало и так, что писарь, не добившись толку, кричал: «Да чьи же вы?» И тут крестьянин вспоминал фамилию своего недавнего владельца: «Оболенские мы, батюшка», или «Шереметевых человек». Чтоб не ломать себе голову, писарь так и записывал вчерашнего раба — барской фамилией. Нечего и говорить, что неграмотный, темный крестьянин не отдавал себе отчета, сколь важен был для него и его потомства этот момент выбора наследственной фамилии — ему лишь бы паспорт скорей выписали, а там

«хоть горшком назови, только в печку не ставь». Из-за этого многие из нас носят фамилии совершенно случайные, рожденные за секунду в обстановке спешки и произвола.

Так, в частности, появились на Руси крестьяне и рабочие с чуждыми им аристократическими фамилиями.

Конечно, не все эти фамилии так бросаются в глаза, как, скажем, Волконский, Оболенский, Шереметев. В Февральской революции, свергнувшей династию Романовых, участвовало немало рабочих, крестьян и солдат Романовых; наряду с князьями Юсуповыми и графами Игнатьевыми существовали рабочие с той же фамилией. Здесь совпадение объясняется тем, что у тех и других были предки-тезки Романы, Юсупы, Игнатии, разумеется, ни в каком родстве не состоявшие.

Бывало и так, что при регистрации властями человек не мог или не хотел говорить о своем происхождении. Тогда писарь, не добившись толку, записывал, не утруждая себя: Бесфамильный или Беспрозванный, Непомнящий, Неизвестный или Безродный. И вот парадоксальная фамилия Бесфамильный и ей подобные утверждаются во всех последующих поколениях.

Что касается «барских» фамилий, то к ним можно отнести не только подлинные фамилии душевладельцев. Есть, так сказать, и нарицательные «барские» фамилии. Это Князевы, Графские, Дворяниновы, Помещиковы, Бариновы. Здесь уже можно почти с полной уверенностью сказать, что никто из них не дворянского происхождения. Все они — потомки князевых, графских, дворяниновых, то есть помещиковых, бариновых *людей*, простых крестьян, называвших и запоминавших своих владельцев не по фамилии (подчас сложной), а по званию. Дворяне же, как нам известно, издавна имели наследственные фамилии по имени или прозвищу своего родоначальника.

Нередко помещик был известен в округе по кличке, данной крестьянами. При регистрации крестьянин мог вспомнить не фамилию, а прозвище бывшего своего барина — и вот за ним закрепляется не очень красивая фамилия, образованная из прозвища не отца и деда, а помещика, скажем, Жадов, Глотов, Хижняков (хижняк — хищник).

Если же помещик был военным и более известен по своему чину, то его крепостные могли записаться Генераловыми, Полковниковыми, Ротмистровыми, Майоровыми, Капитановыми, Офицеровыми и т. п. «Унтер-офицерские» фамилии встречаются реже и имеют другое происхождение. Вахмистровы, Капраловы, Сержантовы — обычно потомки действительных «нижних

чинов». Дворяне же в старину в унтер-офицерских чинах служили недолго, только в ранней юности, очень быстро выслуживаясь в офицеры. Фамилии рядовых — Солдатов, Гусаров, Матросов, Пушкарев — также напоминают о родоначальнике — солдате, гусаре, матросе, пушкаре.

Кстати, военное ведомство тщательно следило за тем, чтобы фамилии принятых на военную службу не «оскорбляли слух». Еще в приказе о наборе рекрут 1766 года требовалось, «дабы поступающие в команду люди не были писаны в формулярах с непристойными прозваниями». А в одном из документов Генерального штаба за 1826 год приказывается: «Если кто из принятых рекрут будет иметь прозвания непристойные, а тех писать в полках, так и во всех списках и перекличках отчеством» (то есть его краткой формой без «ич»). Однако нередко армейское или флотское начальство переименовывало служивого без всякого повода, просто по своему усмотрению — такие случаи наблюдались и в первую мировую войну.

НЕ ТАК ВСЕ ПРОСТО

Ответить на вопрос, «что означает Ваша фамилия?», все же легче, чем объяснить, как она образовалась. Теперь, когда мы знаем, что фамилии произошли из имен, прозвищ, географических названий, приходится задуматься над происхождением таких, например, фамилий, как Базаров, Болотов, Бороздин, Строев, Туманов, Угаров. И это не какие-нибудь редкие, нетипичные для русских фамилии. И как прозвища, и в корнях фамилий слова Базар, Болото, Борозда, Строй, Туман, Угар встречаются — и довольно часто — с давних времен. Это кажется странным: кому приходило в голову называть ребенка или взрослого человека словом, которое как будто ничего общего с живым существом не имеет?

Однако и эти прозвища-фамилии не случайны; следовательно, можно объяснить не только их значение, но и происхождение. В антропонимии, как и в любой науке, далеко не все лежит под руками, многое нельзя понять без знания основ предмета и глубоких исследований. Попробуем вскрыть смысл и истоки этих сложных фамилий.

Начнем с Угарова. Корень — Угар. Быть может, так назвали человека, который часто угорал? Нет, разгадка и трудней и

проще. Антропонимисту нельзя довольствоваться одним, современным значением слова, всегда полезно поискать — а не означало ли оно что-либо другое. Заглянем в словари. И в самом деле: угаром назывался, да и теперь кое-где называется удалец, забияка. Почему — трудно сказать, это уже другой вопрос, из смежного раздела языкознания — этимологии. Возможно, угаром называли удалого всадника, который мчался «как угорелый». А может быть, угар-удалец произошел от сходного по звучанию слова ухарь. Впрочем, предоставим это решать этимологам.

Теперь задумаемся над фамилиями Базаров и Туманов. Не появился ли Базар на свет божий в базарный день, а то и прямо на базаре? Туман, возможно, родился в день, когда вокруг стоял густой туман. Могло быть и так. Но скорей всего это имена иноязычного, восточного происхождения, пришедшие к нам из Азии. Базаровы и Тумановы — потомки либо кочевников, либо русских, перенявших имена соседних народностей. Имена Базар и Туман до сих пор в ходу у некоторых восточных народов. Кстати, базар по-бурятски означает не рынок, а алмаз; как видим, не только русские любили называть своих детей драгоценными минералами и металлами. Туманом на востоке до недавних пор называлась крупная золотая монета. А фамилий восточного происхождения, вроде названных, у русских вообще немало: Айдаров, Бабанов, Баратов, Муханов, Пигасов, Толмазов и т. п.

А Болотов? Человек не может быть похожим на болото, но жить на болоте может — правда, тогда было бы естественней Болотник, Болотный, Болотский. А почему, собственно, не Болото? Ведь предок Рощиных звался Роща, Пущиных — Пуща. Так и родоначальника Болотовых могли прозвать Болотом по местности, где он жил.

Сложнее фамилия Строев. Как это одного человека могли прозвать целым строем? Во всех современных значениях слово «строй» обозначает совокупность людей или явлений. Это подтверждают словари. А в старину? Быть может, было еще одно значение? Так и есть, выручает словарь Даля: строем прежде назывался и нищий, калека. Вот, оказывается, какой горемычный был родоначальник у Строевых! Впрочем, было и другое значение слова «строй» — дядя по отцу, брат отца.

Остается самое трудное: Бороздин. Человек не может быть похож на борозду, не может и жить на борозде. Не спасают даже старинные словари: борозда всегда означала борозду и толь-

ко. Тогда можно предположить: ребенок родился весной, в то время как отец его — пахарь прокладывал первую борозду на поле. А борозда для крестьянской семьи имела огромное значение. Даст или не даст она урожай — от этого зависела судьба, часто жизнь. Неудивительно, что священным словом «борозда» древний землепашец мог назвать и сына своего, будущего кормильца семьи.

А как понять фамилии Белокопытов, Белохвостов, Буланов, Комо́лов, Куцев и сходные с ними, которые произошли из слов, уж никак не имеющих отношения к людям: ведь у человека не бывает ни копыт, ни хвоста, ни масти, всякий из нас — куцый, то есть бесхвостый, и комолый, то есть безрогий. Думается, что скорее всего это насмешливые клички, данные по какому-то конкретному случаю: похвалился человек белохвостым конем, купил комолую или куцую корову, вот и прозвала его вся деревня белохвостым, комолым, куцым.

Очень богата фантазия русского народа. Навсегда утрачен след происхождения множества фамилий. Прозвища могли быть совершенно случайными, связанными с тем, что человек попал в те или иные обстоятельства; вспомним историю прозвища Щукарь у Шолохова. Нигде подобного рода истории не фиксировались, и часто повод к прозвищу забывался самими современниками. Правда, сохранились семейные легенды, объясняющие происхождение той или иной фамилии. Очень многие из них явно надуманы: так, известные уральские купцы Строгановы считали себя потомками казака, который, попав в плен к туркам, был ими искалечен, «обстроган» и получил кличку Строганый.

Более убедительно предание о графах Разумовских. Украинского казака Григория односельчане прозвали Розумом за то, что в пьяном виде он любил похваляться своей особой: «Що то за голова, що то за розум!» Сын Григория — Алексей унаследовал прозвище Розум, но, попав в петербургскую певческую капеллу, был записан Разумовским. С этого времени началась его головокружительная придворная карьера, и сын пьяницы Розума стал родоначальником графов Разумовских.

Труднее установить происхождение фамилий простых русских людей — никто ими обычно не интересовался, мало кто записывал. Тем ценнее случайно дошедшие до нас сведения. Вот как, например, образовалась фамилия знаменитого нашего полководца Чапаева. Дед Василия Ивановича, работая старшим на лесосплаве, любил покрикивать на медлительных артельщиков:

«Чепай!», то есть «зацепляй бревно багром». Так и получил он прозвище Чепай, или Чапай; дети и внуки его стали Чапаевыми.

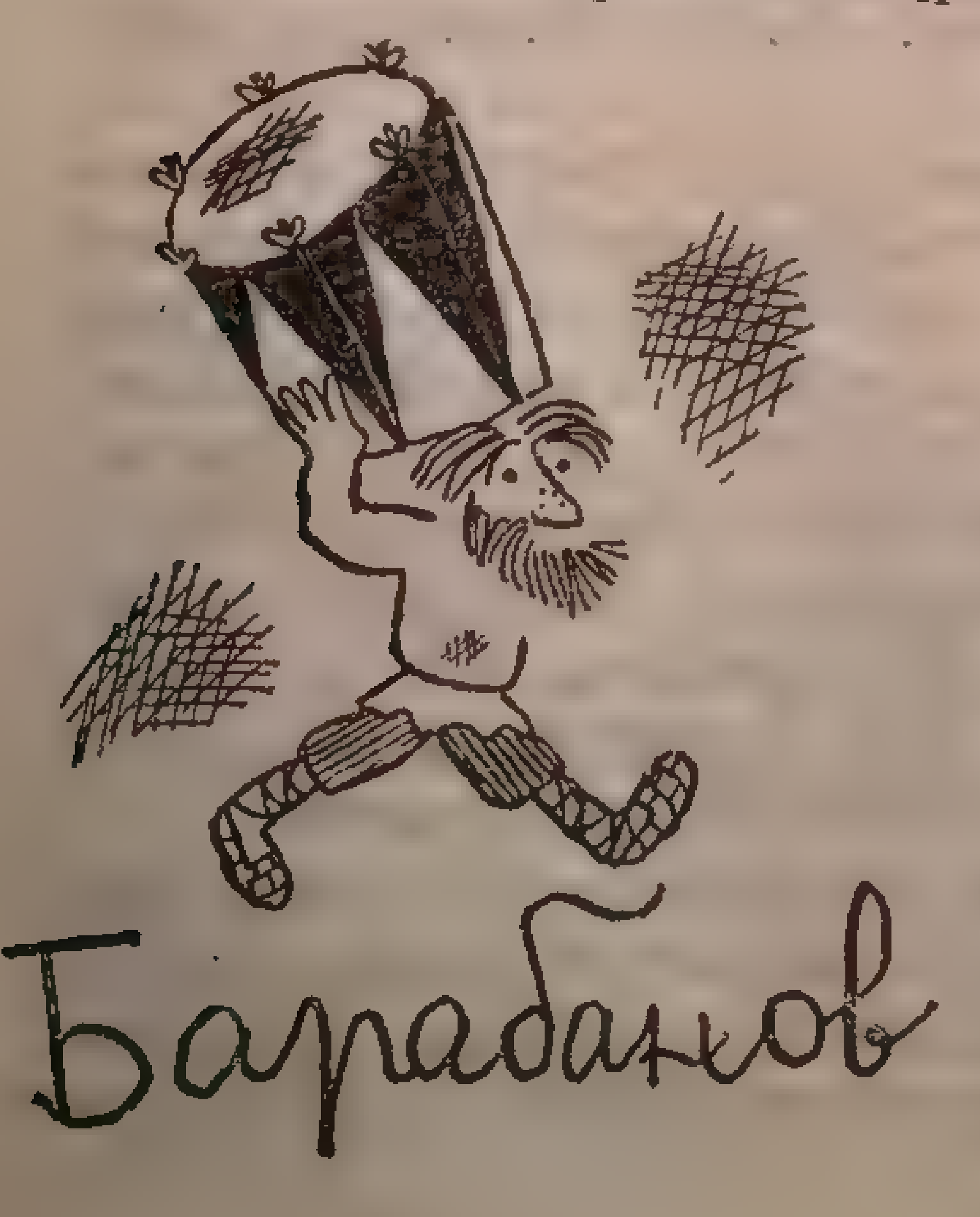
В своей «Книге о языке» замечательный русский педагог М. А. Рыбникова приводит рассказы о происхождении некоторых русских фамилий, записанных со слов крестьян Вяземского уезда. Из этих примеров мы видим, как случайны и прихотливы первоисточники, как трудно, не зная истории данной семьи, судить о ее фамилии.

«Селезень. Исстари прозвали Селезнем по случаю того, что усадьба в деревне находилась на самом низком месте, где всегда под домом вода стояла. Селезня теперь переделывают в Селезнева».

«Ручкин. У мальчика рука болела правая, словно отсохшая стала. Все дела больше левой рукой справляет, даже богу молится. Вот и прозвали его Ручкин, и все потомство пошло Ручкины».

Здесь интересно, что прозвище сразу же было дано в форме фамилии — не «Ручка», а Ручкин.

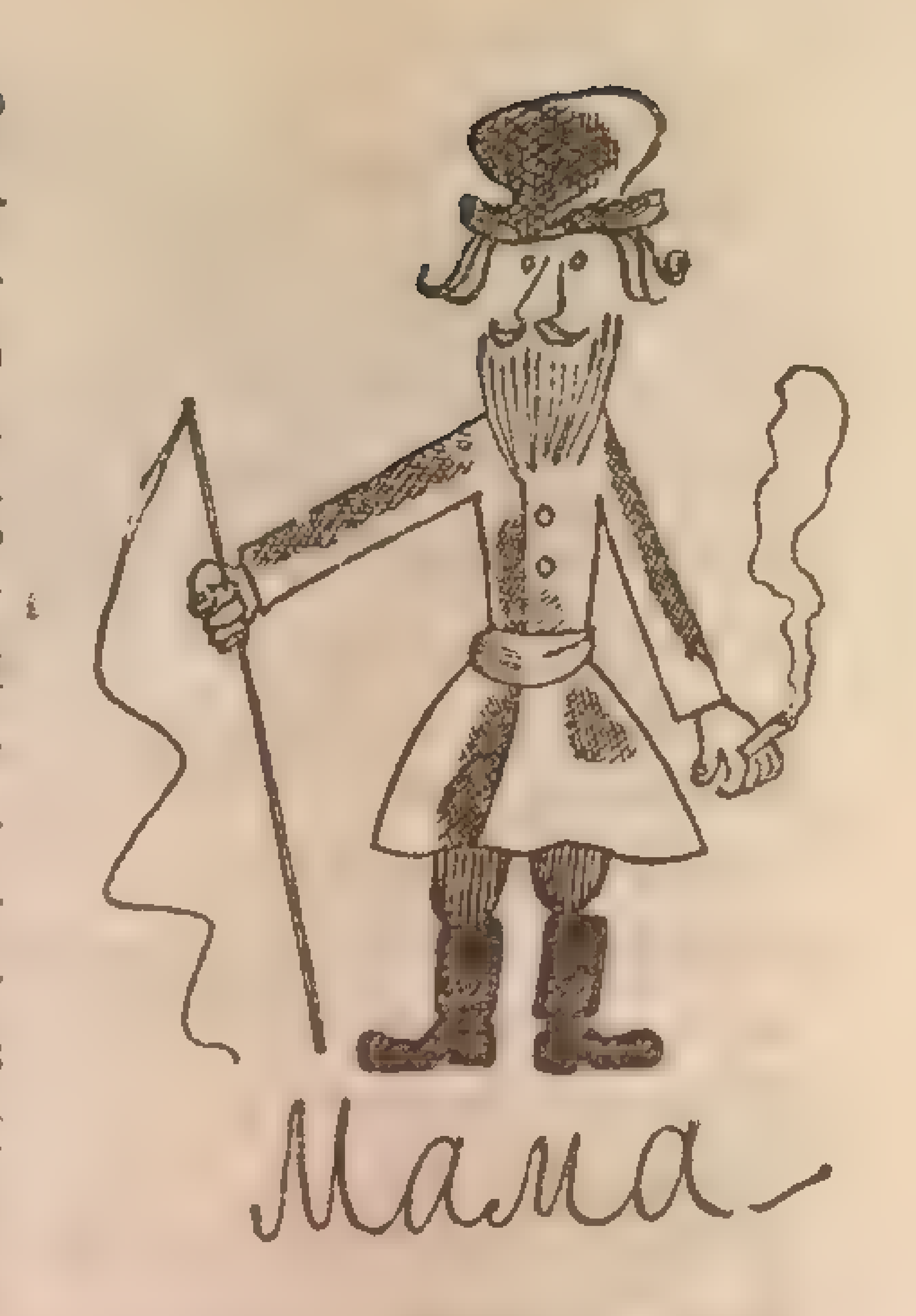
А вот дословный рассказ крестьянина Барабана Семена Павловича: «А зовут меня Барабаном по отцу деда. Он барабан нашел, по дороге где-то солдаты, должно, потеряли. Принес его отцу Дмитрию Сережанскому [сельский священник]. Ну, тот подивовался и говорит: «Значит, тебе, Осипушка, и быть отсель Барабаном». Так и деда Митрия звали Барабан, и батьку тож. И детки пошли Барабанята. Из плена сын так и пишет: Евдоким Семенов Барабанов... [разговор происходил в первую мировую войну]. Люблю, когда меня Барабаном зовут! Как скажут «Барабан», так я тотчас и откликнусь: «Я за него». А что такое Семен? Семенов на деревне много, а вот Барабан — честь особая».

Здесь, в отличие от Ручкиных, прозвище держалось несколько поколений, не превращаясь в фамилию с суффиксом *ов* или *ин*. И такое, стало быть, бывало.

У меня есть знакомая Наталья Мамина — фамилия, казалось бы, очень понятная, но вот вопрос: все мы мамины, дети какой-либо матери, почему же только немногие

семьи стали называться Мамиными? Ведь это то же, что именоваться Человековыми — все мы происходим от какого-либо человека, так могло ли слово «человек» быть прозвищем родоначальника? Оказывается, дело сложнее: дед Маминой был петербургским извозчиком, и товарищи прозвали его Мамой (рассказывают, за то, что он с материнской заботой относился к своим молодым коллегам). Сына Мамы уже записали фамилией Мамин — вот конкретная история происхождения одной из семей Маминых. Но все ли Мамины (а их не так мало) приобрели свою фамилию от прозвища Мама? Нет, думается, большинство от родоначальника, крещенного древнегреческим именем Маммий, в уменьшительной форме — Мама.

ТАЙНА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Если вы немного поразмыслили над главой «Домашние» фамилии», то, вероятно, заметили, что многие предметы и явления, окружавшие крестьянина, не стали прозвищами, а следовательно, и не вошли в фамилии. Везде и всегда в избах были двери и окна, но Дверевых и Окновых не слыхать. Это еще объяснимо: трудно уподобить человека отверстию, то есть пустоте. Стенины существуют, но происходят они не от слова «стена», а от «Стеня» — уменьшительной формы имени Степан или Степанида. Наши предки явно не любили уподоблять человека строению или его частям. Домовы, Избины, Хатины, Потолковы русской антропонимии не свойственны. Зато Заборовых и особенно Плетневых — довольно много.

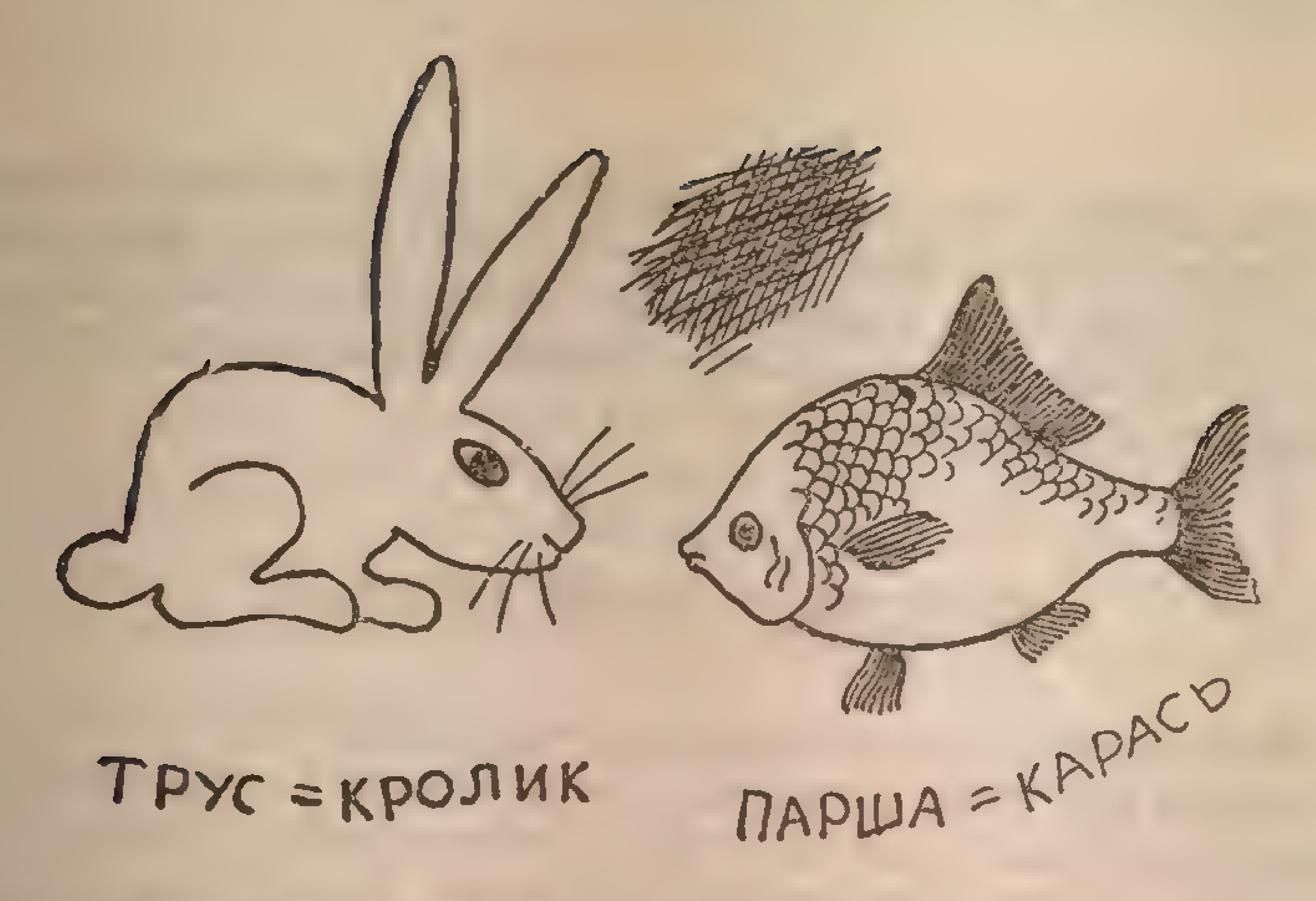
Более распространены как прозвища были мелкие предметы домашнего обихода. Но по какой-то причине некоторые из них избегались: Замковых много, а фамилия по смежному предмету — Ключев весьма редка. Мною перечислялись «съедобные» фамилии, но почему же мед, издревле известный как лакомство и напиток, сколько-нибудь распространенную фамилию Мёдов не образовал?

Репа и свекла исстари выращивались на русских огородах, но Репиных куда больше, чем Свеклиных. Но, допустим, репа была популярнее, в старину она занимала на обеденном столе столь же почетное место, как сегодня картошка. Никто не будет спорить, что еще тысячу лет назад русский крестьянин посыпа́л куриное яйцо солью, да и вообще не обходился без соли. Между тем, слово «соль» фамилию не образовало: Солины и Солонины пошли от уменьшительных форм христианского имени Соломон. И на соль есть объяснение: она принадлежит к существительным третьего склонения, от которых притяжательные прилагательные, какими являются наши фамилии, как правило, не образуются; сравните печь, мышь, рожь (хотя и встречаются Снастины, Рухлядевы, Осеневы, Куделины, Трелины, Грязевы). Но от слова «яйцо» легко образовать фамилию, между тем Яйцовых встретить трудно, тогда как, скажем, Кольцовых — тысячи.

Вот два слова, близких по грамматической форме и обозначающих животных, равно распространенных в России: уж и еж. Между тем, Ежовых куда больше, чем Ужовых. В Москве, например, на 4000 Ежовых приходится всего 30 Ужовых. Таких загадок множество. Почему Болотовы и Рощины обычны, а фамилии Лесов и Лугов непривычны? Сравните такие пары фамилий: Озеров — Рекин, Громов — Молниин, Солнцев — Небов, Огнев — Водин, Ветров — Бурин, Решетов — Ситов, Топоров — Ножов. Не правда ли, вторые фамилии резко отличаются от первых своей надуманностью, необычностью. А ведь для русского языка они были бы вполне естественны и по смыслу, и по форме, если бы народ-языкотворец почему-то их не избегал. В чем же причина?

Несомненно, основания были: одни слова имели для наших предков какое-то дополнительное, магическое значение и становились именами или прозвищами; другие нет. Постепенно «магический смысл» забывался, нам, людям XX века, он непостижим, но языковое чутье сохраняло традицию — мы и сегодня ее чувствуем: современный писатель скорее назовет своего героя Рожиным или Рыловым, чем Лицовым, потому что осознает: Рожин и Рылов — не очень благозвучно, но естественно; Лицов — уж очень необычно, как-то не по-русски, хотя по смыслу гораздо лучше. Вот с какими глубинными тайнами народной психологии приходится иметь дело антропонимии!

Скажу и еще об одном интересном явлении: обратном превращении фамилий в прозвища. Емельяна Пугачева его совре-

менники часто называли просто Пугач, что совпадало с именем его родоначальника. Но если пугач, от которого произошла фамилия Пугачев, означало «филин», то Емельян Пугач — это звучало уже погрознее. Чапаева его бойцы звали Чапай, а настоящая фамилия героя гражданской войны матроса Железняка была Железняков. И в наши дни такое переиначивание не редкость. Популярного футболиста и хоккеиста Боброва болельщики любовно называли Бобер. В любом классе можно слышать, как Комарова называют Комар, Стрельникова — Стрельником, Макарова — Макаром, Шемякина — Шемякой и т. д., не подозревая даже, что тем самым «оживляют» в обращении к своему товарищу имя или прозвище его предка.

В этом нет ничего дурного. Плохо только, когда такого рода сокращения осмысляются неправильно и превращаются в обидные «дразнилки»: ученицу Харину дразнят Харей, не зная, что предок ее называл себя нисколько не предосудительным именем Харя — от Харитон; Паршин, конечно, от «парша», но вовсе не обязательно от болезни: паршой в северорусских говорах называли карася; трусом во многих областях именуют кролика, так что Трусовы — всего-навсего Кроликовы; Крысанов не имеет отношения к крысам: это видоизменение хорошего, но забытого имени Хрисан, Хрисанф.

Отсюда вывод: всем нам надо очень внимательно и бережно относиться не только к фамилиям, но прежде всего к их носителям — нашим товарищам, соученикам, соседям. Искажая, неправильно осмысляя, высмеивая фамилии, мы наносим незаслуженную обиду своим ближним. Даже когда антропонимия в чисто научных целях раскрывает некрасивый смысл той или иной

непонятной для современника фамилии, то этим ни в коем случае нельзя злоупотреблять. Каждый из нас должен быть прежде всего культурным и воспитанным человеком, помнящим, что любая фамилия может служить предметом изучения, но никак не поводом для издевательства.

ЧУДЕСНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Иные фамилии — некогда бывшие понятными — настолько с течением времени исказились, что стали необъяснимыми, и до первоосновы докопаться трудно или невозможно. Иногда, с забвением первоначального смысла прозвища, фамилии переосмыслялись. Так, многие Маторины (от старого областного слова «маторый», то есть матёрый, крепкий) стали в нашем веке писаться Моториными, что звучит вполне современно, напоминая о моторе.

Можно долго ломать голову над происхождением фамилии нашего выдающегося художника Крамского, хотя дело обстоит очень просто: *а* в ней написано вместо *о*. Должно было быть Кромской, то есть родом из города Кромы.

Сознательно изменялись и специально придумывались фамилии для внебрачных детей. Кое-где их называли угланами (отсюда Углановы). Выше мы говорили о труднообъяснимых фамилиях. В СССР живут тысячи Перовых. Может ли человек напоминать перо? Возможно, он казался окружающим «легким, как перо», либо имел какое-то отношение к перьям.

Доподлинная же история фамилии великого русского художника нам известна.

Перов был внебрачным сыном прокурора Криденера. Отец отдал его на воспитание дьячку. Мальчик быстро научился грамоте и особенно удивил учителя успехами в чистописании. Именно за почерк дьячок прозвал его Перовым, и эта фамилия за ним утвердилась.

Или другой пример: был в XVIII веке второстепенный писатель Пнин. Эта фамилия прежде всего заставляет вспомнить слово «пень» или же глагол «пнуть». Но ни пень, ни пнуть здесь

ни при чем; гораздо ближе, как ни странно, слово «репа». Писатель был «незаконным» сыном вельможи Репнина (репня — каша из репы), а своих внебрачных детей богатые люди имели обыкновение награждать своей же фамилией, но в несколько измененном виде. Так, сын Репнина стал Пниным, сын князя Трубецкого — Бецким, а побочный сын коммерсанта Нилуса прославился как актер Нильский. Знаменитый русский физик Умов родился в семье внебрачного сына помещика Наумова — как видите, в этом случае видоизмененная фамилия оправдала себя как нельзя лучше!

Сами же высокородные дворяне очень бережно относились к своей фамилии, и не дай бог, чтобы кто-нибудь без их ведома изменил в ней хоть одну букву! Кичась своей родословной, они — часто вопреки фактам — пытались возвысить своих предков, изображая их знатными пришельцами-иностранцами. Ради этого изобретались легенды и весьма произвольно толковалось происхождение фамилий. Так, несколько русских дворянских родов (в том числе Шереметевы и Сухово-Кобылины) считали своим общим предком некоего Андрея Кобылу. Такой человек действительно существовал. Имя Кобыла позволяет предполагать, что это был человек сильный, крупный, или же родители, давая ему мирское имя, желали, чтобы он стал таким. В древние времена подобные имена не казались унизительными. Недаром сам Кобыла назвал одного из своих сыновей Жеребцом. Но утонченные потомки XVIII века стали стесняться столь грубого имени своего родоначальника. На помощь им пришел герольдмейстер Степан Колычев, который придумал легенду, будто бы подлинное имя Кобылы — Комбилла, это-де выходец из Пруссии, фамилию которого русские переиначили по-своему.

Графы Соллогубы, считавшие себя отпрысками знатного польского рода, были бы, наверное, весьма возмущены, если б им сказали, что фамилия эта происходит от украинского слова «салогуб», что означает торгаш.

Дворяне Бестужевы доказывали, будто бы основатель их рода — английский аристократ Бест из рода Бестюр, в начале XV века выехавший из Англии. Это, конечно, выдумка: фамилия Бестужев происходит от старого русского слова «безстужий», что означало бесстыжий. Явно не желая иметь такого сомнительного предка, чрезмерно стыдливые потомки решились на бесстыжую (чуть не написал бестужую) ложь.

Правда, не всегда русские дворяне изменяли истине, доказывая свои иноземные корни. Мы уже познакомились с Гарра-

хами — Гороховыми и Гамильтонами — Хомутовыми. Можно добавить итальянских выходцев Чичери и Солари, превратившихся в Чичериных и Соларевых, крымского генуэзца Тутче, ставшего родоначальником Тютчевых, молдаванина Хераску, потомки которого стали Херасковыми, датчанина Кос фон Даалена, основавшего дворянскую фамилию Козодавлевых. Прадед выдающегося русского художника К. П. Брюллова писался Брюлло. Очень много русских дворянских родов — татарского происхождения. Их предки переходили на службу к русскому царю, крестились, получали русские имена, а старое, татарское имя превращалось, иногда видоизменяясь, в фамилию наследников. Предок Бибиковых был татарин Би-бек (то есть князь, по имени Би), Карамзиных — Кара-мурза, Тимирязевых — Темир-газа, Бахметевых — царевич Бахмет, Нарышкиных — крымский татарин Нарын, или Нарышка (уменьшительный суффикс — русский), Гаршиных — выходец из Золотой Орды Гарша.

Но очень часто иноземные пришельцы приобретали подлинно русские фамилии чуть не в первом поколении. Забавно читать в документах XVII века о том, что в Москве того времени жили голландец Лупев, англичане Юрьев и Иванов, немец Игнатьев.

Дворянские роды вносились в специальные родословные книги. Читая их, можно подивиться некрасивости многих аристократических фамилий: Блудовы, Безобразовы, Безбородки, Кривошеины, Голохвастовы, Дурасовы, Свиньины, Татищевы (от тать — разбойник). Тем не менее, любой Свиньин или Безобразов считал себя неизмеримо выше какого-нибудь «холопа» — Степанова или Фомина.

Как ни уродливы были многие фамилии, внесенные в «родословные книги», менять их было много трудней, чем простые крестьянские. В конце XIX века дворяне Дураковские с «дозволения» царя стали именоваться Двораковскими; фамилия выбрана созвучная, сходная, но как изменился смысл! Вместо

«дурака» появилось нечто, что могло бы намекнуть на близость ко двору. Как видим, некоторые фамилии умело маскируются, затрудняя работу антропонимиста.

МЕНЯЮ СВОЮ ФАМИЛИЮ НА...

Еще задолго до революции многие образованные или состоятельные люди стали стесняться своих некрасивых фамилий. Менять фамилию становилось все сложнее уже не только дворянам.

С развитием торговли, промышленности, образования человек «обрастал» большим количеством актов гражданского состояния и разного рода других документов. Чтобы фамилия не вызывала неприятных ассоциаций, как бы нечаянно производились небольшие описки, часто не менявшие фамилию в произношении, но менявшие ее начертание, а тем самым и значение. Здесь много помогало широко распространившееся «аканье»: пишется в безударном слоге *о*, а произносится *а*. «Корова» не напишешь «карова», за это можно получить двойку. Но фамилия Каровин может существовать, и никто не заставит писать ее «правильно», если она уже вписана в документы. Ведь фамилия не обязана иметь смысл, и написание ее не подчиняется строгим орфографическим правилам. Конечно, многие явные искажения фамилий вызваны безграмотностью писцов (вроде Кромской — Крамской), но иные выдают хозяина с головой. Если Коротыгины стали писаться Каратыгиными, то явно по воле или попустительству носителей этой фамилии, пожелавших не напоминать, что их родоначальником был какой-то коротышка; Карзинкины, Качановы, Марковниковы, Редкины, Понтрягины (из «Портнягины») с помощью небольших описок затушевали «простонародные» корни своих фамилий. Лажечниковы заставляют забывать, что их дед промышлял ложками, Быкодеров превращается чуть ли не в испанца — Быкадорова. Известные московские книгоиздатели начала нашего века упорно писались Сабашниковыми.

После Октябрьской революции такие хитрости оказались не нужны: любой советский гражданин получил право — если не было на то обоснованных возражений — менять свою фамилию и имя на любое понравившееся. Тысячи людей охотно воспользовались этим разумным, демократическим законом. Новый

уклад жизни побуждал особенно внимательно вслушиваться и всматриваться в свое имя; от всего старого, неприемлемого хотелось быстро и решительно избавиться. О перемене личных имен предварительно давалось небольшое объявление в газетах. Заглянем в комплект «Известий» за 1930 год: Какушкин меняет фамилию на Осипов, Успенский желает сменить свою церковную фамилию на разудалое Бекренев, семья Царевых превращается в Правдиных, Венценосцев — в Лукина, Палачевы — в Павловых, Поповы — в Алексеевых. Некто Илиодоров, зная, что имя Илиодор носил печально известный монах-мракобес, становится Антиверовым, семья Кулак — Коммунаровыми.

Есть и не столь понятные перемены фамилий: зачем, например, Федченко решила изменить фамилию на Троцкую, Климова — на Богатникову, Епифанов — на Тагирова? Тут дело в индивидуальном вкусе, и искать причины — бесплодно. Но вот на что хочется обратить внимание читателей: среди его знакомых тоже могут оказаться люди с фамилиями, не унаследованными, идущими от прозвища предков, а новыми, добровольно избранными, то есть придуманными. Поэтому делать на основании фамилий уверенное заключение о происхождении человека никогда не следует. Я не говорю уже о том, что фамилия наследуется преимущественно по мужской линии; фамилия матери, бабки, прабабки и т. д. для постороннего скрыта так же, как девичья фамилия замужней женщины — нашей современницы. По фамилии мы можем (хотя и не с абсолютной точностью) определить родоначальника по мужской линии, но только в том случае, если фамилия не искажена или не изменена. Тагиров — несомненно тюркская фамилия. Но вот один из Тагировых — недавний Епифанов, то есть, вероятно, русский человек, которому почему-то захотелось стать тюрком.

Предположим, встретились вы с человеком, который назвался Декалов. Откуда фамилия Декалов? Ищите хоть в сотнях справочников — слова «декал» не найдете. Отвечу: Декалов ровным счетом ничего не значит и не значило. Как свидетельствует

старая газета, так решил именоваться с начала 1930-х годов некий гражданин Шевченко, и он избрал себе для фамилии явно не имеющее никакого смысла созвучие, показавшееся ему красивым и звонким. И никто его не осудит. В самом деле: разве фамилия обязана иметь значение?

РУССКИЕ ИНОЗЕМЦЫ

Но есть примеры и более разительные. Просмотрим все ту же подшивку «Известий» за 1930 год. Зачем, казалось бы, Николаю Синеглазову понадобилось превращаться в немца Роберта Эллера, Шириикину — во француза Гартье, а Александру Ивановичу Егорову преобразиться в совершеннейшего англичанина — Роберта Джемсовича Нортона? По всей видимости, это были очень молодые люди, которых пленяло все иностранное, западное: заменяя свое русское наименование заморским, они понимали, что будут выглядеть эффектней, оригинальней, привлекательней.

А сейчас этому Роберту Джемсовичу Нортону, если он жив, здоров и не стал именоваться по-прежнему, трудно доказать кому-либо, что он не английского и не американского происхождения. Трудно это сделать его детям, даже если Нортон назвал их Богданом и Светланой. У нас пользуются равенством и уважением все нации, но, согласитесь, довольно нелепо внушать окружающим представление, будто ты иностранец. Как не вспомнить здесь героя пьесы Маяковского «Клоп», который из Присыпкина стал Пьером Скрипкиным! Думаю, что в наши дни доморощенные Эллеры, Гартье и Нортоны вернулись если не к своим старым, то, во всяком случае, к русским фамилиям.

Эти примеры — лишний довод против некоторых самоуверенных людей, которые берутся по фамилии безошибочно определить происхождение человека. Насколько смешны подобные суждения, видно уже по попытке считать Монахова — потомком монаха, а Князева — потомком князя, о чем я уже писал.

Но немало русских людей носят действительные, а не придуманные ими самими иностранные фамилии. Многие из таких людей — совершенно обрусевшие потомки давних пришельцев в нашу страну, и иностранного в них — одна только фамилия, неумолимо переходящая у мужчин из поколения в поколение. Мы были бы отъявленными невеждами, если бы считали заме-

чательного русского поэта Александра Блока немцем на том основании, что его предок был выходцем из Мекленбурга, поступившим на службу к царю Алексею Михайловичу. Так ведь и Лермонтова можно зачислить в шотландцы — поэт считал своим предком некоего Лермонта, выходца из Шотландии. Немецкие фамилии Кюхельбекер, Дельвиг, Пестель, Фет, Рерих, Юон, Энгельгардт не делают наших замечательных соотечественников немцами. Фамилия и национальность — отнюдь не одно и то же.

В 1824 году Пушкин писал брату: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин. Что он за нехристь? Он русский, из перерусских русский». Пушкин, конечно, знал, что автор «Недоросля» — далекий потомок ливонского рыцаря, но не считал правильным подчеркивать его происхождение давно уже изжившим себя раздельным написанием фамилии.

Вы, наверное, вспоминаете и лермонтовского Печорина, записавшего в своем журнале: «Нынче поутру зашел ко мне доктор: его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец».

Мы с вами тоже, читатель, недавно познакомились с англичанами и немцами Юрьевым, Ивановым, Игнатьевым, жившими в Москве в XVII веке. Что же говорить об их русских потомках?

Вместе с тем встречаются исконно русские семьи, исстари носящие иностранные фамилии, без всякого на то серьезного повода. В этом свете любопытно происхождение фамилии советского полководца маршала Василия Константиновича Блюхера. Прадед Блюхера — суворовский солдат — вернулся с военной службы в родную ярославскую деревню. Увидев бравого отставного воина, помещик восхитился и сказал: «Ах, какой ты видный — форменный фельдмаршал Блюхер». Прозвище пристало к солдату, превратилось в фамилию. Ее унаследовал и крестьянский парень Вася Блюхер, ставший выдающимся военачальником и, так сказать, прославивший ее заново. Теперь уже, слыша фамилию Блюхер, мы вспоминаем не прусского фельдмаршала, отличившегося в боях с Наполеоном, а героя гражданской войны в России.

Бывали и другие случаи, когда помещики-самодуры, военные или гражданские начальники по собственной прихоти награждали русских людей иноземными фамилиями. Ученик Петербургской театральной школы, в дальнейшем — видный балетмейстер — был переименован из Лесогорова в Вальдберга — это точный перевод русской фамилии на немецкий язык. Но писали

его фамилию неточно — Вальберг или Вальберх, а дочка его, известная актриса, именовалась уже снова на русский лад — Вальберхова.

Случались и добровольные переименования такого рода. Разбогатевший крестьянин записывался в купеческую гильдию, то есть сословное учреждение. В этих случаях он сам мог придумать себе фамилию — кто там интересовался его родословной или документом, которого обычно вовсе и не было: важно, чтобы он доказал, что владеет товаром и капиталом. Чаще всего новоявленный купец превращал в фамилию имя или прозвище отца, но иногда и семейный промысел: кондитеры Абрикосовы разбогатели на торговле абрикосами, банкиры Солодовниковы начинали с торговли солодом.

Но иногда русский купец присваивал себе иностранную фамилию, полагая, что у иностранца товар купят охотнее. Журналист прошлого века Карнович приводит случай, когда русский купец, записавшись в гильдию, присвоил себе фамилию Викторсон. Конкуренты обиделись и подали в суд: дескать, обман. На суде Викторсон чистосердечно объяснил: фамилия понадобилась ему, чтобы, торгуя папиросами, казаться иностранцем.

Прямых выводов из фамилий нельзя делать и в том случае, когда они происходят от названия национальности. Цыганом на Руси часто называли смуглого, черноволосого человека, шведом — человека, побывавшего в шведском плену, и т. п. А иногда русская семья давала новорожденному имя в честь доброго друга другой национальности, называя младенца Мордвином, Карелой или собственным национальным именем друга. Существовал и обычай побратимства: в знак вечной дружбы два товарища менялись именами — башкир получал русское имя, русский — башкирское. Крестьяне, называвшие помещика по его национальности — немец, француз,— могли приобрести фамилию Немцевы, Французовы и т. п.

СЛОЖНАЯ НАУКА

Итак, мы убедились, что изучение русских фамилий — дело интересное, но отнюдь не простое. Мы живем в многонациональном, многоязычном государстве, с давних пор ведущем деловые связи с другими народами. Все это отразилось и в современном русском языке, заимствовавшем немало иноязычных нарица-

тельных слов, и в той его части, которую составляют личные имена.

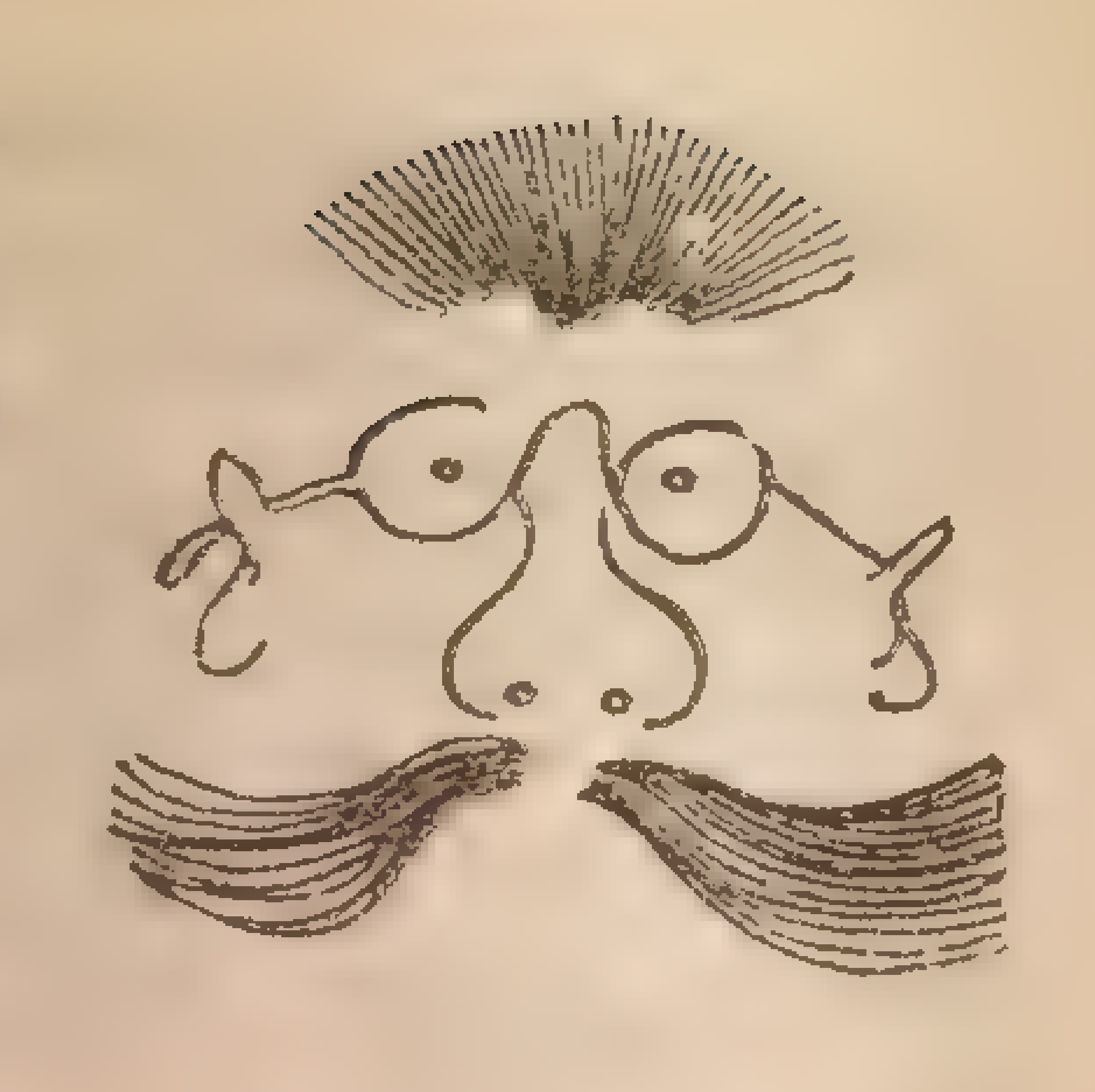
Чтобы определить происхождение той или иной неясной русской фамилии, надо иметь в виду, что она могла произойти из слова какого-либо другого языка одного из народов СССР; или из диалектного, подчас забытого к нашему времени слова как русского, так и других языков. Могла она быть образована, как мы убедились, из слова, принадлежащего к мертвым языкам. Иногда источник фамилии надо искать на географической карте: ведь человек нередко назывался по своему родному месту, а им могли быть не только города, но и безвестная, крошечная, к нашему времени исчезнувшая или переименованная деревушка. К этому добавьте возможность умышленных или случайных искажений, а также то обстоятельство, что фамилия, вроде бы старинная, могла быть произвольно избрана сравнительно недавно, при перемене фамилии.

Таким образом, всякая категоричность в толковании фамилий рискованна. Фамилия у разных семейств может писаться и произноситься одинаково, но корни ее могут быть совсем разные. Выше я дал примеры толкования многих общеизвестных русских фамилий. Вполне возможно, что многие носители этих фамилий убедительно докажут, что источник их «родового имени» другой. Заранее соглашаюсь с ними. Всякая фамилия, как и всякая семья, конкретна, и история ее происхождения сугубо индивидуальна. Я приводил наиболее вероятное толкование.

Если взять, например, фамилию Усачев, то скорее всего носители ее произошли от усатого предка. Но есть и рыба усач, именем которой мог быть назван безусый предок, промышлявший усачами. Есть и жук-усач (то же, что жук-дровосек), но имени которого могли назвать человека односельчане. А может быть, родоначальник Усачевых происходил из деревни Усачи?

Или фамилия его барина была Усачев, или же барина прозвали Усач? А может быть, кто-то из предков Усачевых был Кусачевым и незаметно изменил эту фамилию на более красивую — Усачев. А быть может, дед звался Крестовоздвиженский и после революции официально изменил свою церковную фамилию на нейтральную — Усачев. Или же «Усач» — искаженное слово языка одной из народностей, населявших Россию?

Я привел здесь все возможные варианты происхождения этой фамилии не для того, чтобы отпугнуть, а чтобы доказать: антропонимия — сложная наука, требующая всестороннего исследования изучаемого объекта. Скорей всего, правильно первое толкование — фамилия произошла от прозвища усатого предка, но долг каждого исследователя сомневаться и проверять. При этом нельзя впадать и в крайности: ни один Иванов не убедит, что его фамилия произошла от слова «ива», а Смирнов — что он выходец из турецкого города Смирны.

Чтобы расшифровать ту или иную конкретную фамилию, нужна подчас и помощь неспециалиста, человека, знающего историю происхождения этой фамилии или местное значение слова, от которого она произошла.

Поэтому предлагаю читателям сообщать все интересное, что им известно о русских фамилиях. Любой вклад в русскую антропонимию весьма ценен; в этой науке еще много «белых пятен». Но к семейным преданиям о происхождении своей фамилии надо относиться с осторожностью: они часто малодостоверны.

Вообще же очень полезно воспитывать в себе «слух на фамилии» (как и вообще на собственные имена). Это качество может сослужить службу не только языковеду, но и любому интеллигентному, пишущему и выступающему перед публикой человеку.

Если стремление постичь смысл слова может привести языковеда к ценному открытию или хотя бы гипотезе, то публицист, например, может использовать свой «слух на фамилии» в полемике, умело и уместно обыгрывая значение той или иной фамилии, обогатить свою аргументацию. Прекрасно знавший

и чувствовавший русский язык, В. И. Ленин не проходил мимо такой возможности. Так, в статье «Московские зубатовцы в Петербурге», опубликованной в «Искре» от 1 января 1903 года, Ленин цитирует «Письмо к издателю «Московских ведомостей» Ф. А. Слепова — рабочего, обманутого полицией и выступающего против своих классовых интересов: Слепов видел спасение рабочих в «кредите для рабочих касс взаимопомощи». «Неужели г. Слепов — и попалась же такая удачная фамилия! — замечает Ленин,— серьезно думает, что сознательный рабочий из-за жалких подачек откажется от стремления к свободе?»

Отлично знал русскую лексику и использовал ее кладези для характеристики своих персонажей, в том числе и с помощью фамилий, А. Н. Островский. Подхалюзин, Кнуров, Вожеватов, Дулебов, Великатов — в основе этих фамилий заложен скрытый для нашего современника смысл. Что касается Чехова, то одни лишь фамилии героев его юмористических рассказов уже можно назвать произведением искусства.

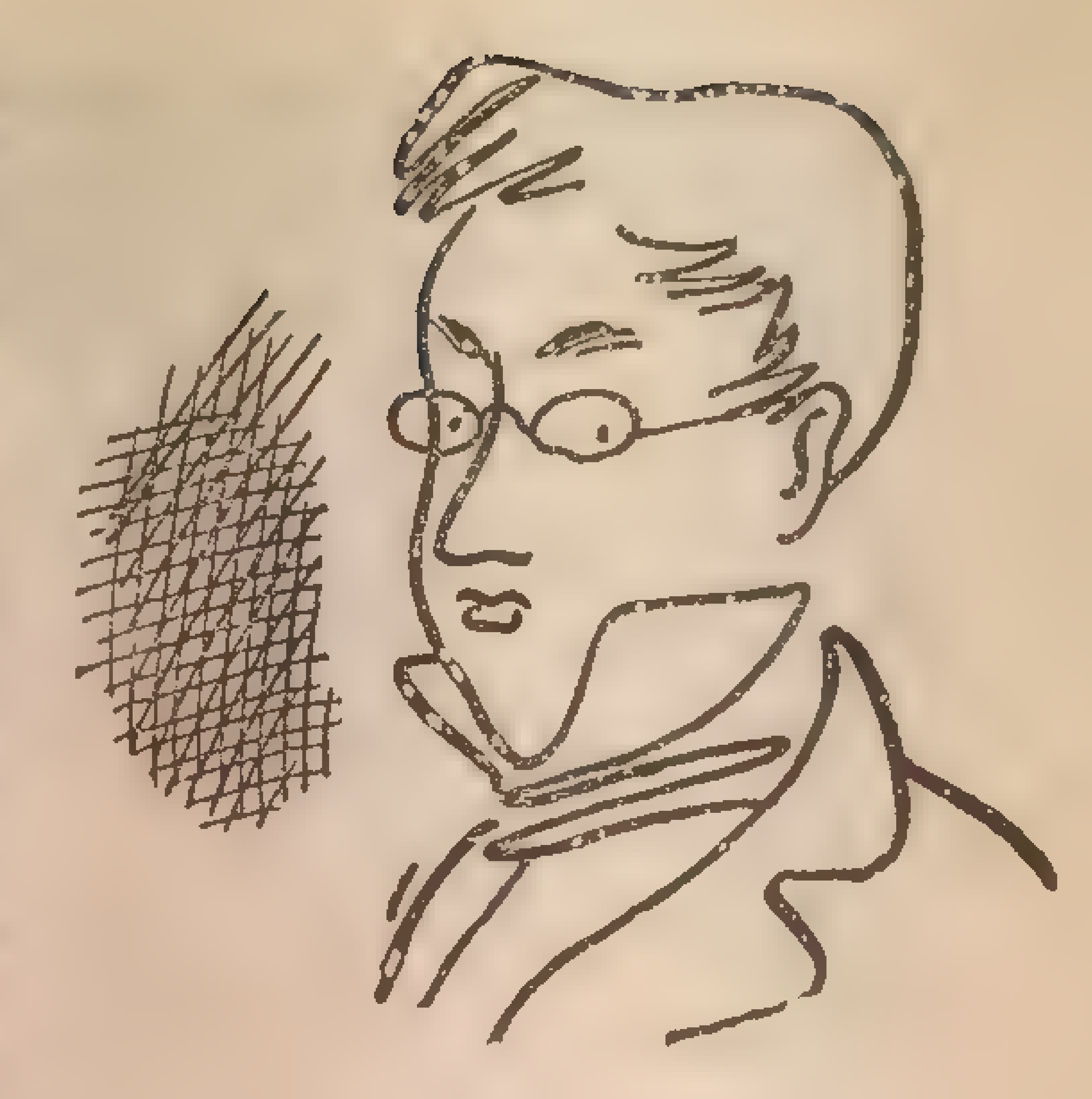
Глубокий интерес к истории и значению русских фамилий проявлял А. М. Горький: замечания антропонимического свойства как в авторской речи, так и из уст персонажей можно найти в очень многих его произведениях. Горький обладал редкостным «слухом на фамилии». Чего стоит хотя бы реплика его героя Василия Достигаева по адресу буржуазного Временного правительства, первым премьером которого был князь Львов: «Князь-то он Львов, да львы-то у него — как будто ослы».

БУДУЩЕЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Думается, что оно не обещает решительных перемен. И в XXI и в XXII веках русские люди, очевидно, будут носить в основном те же фамилии, что и сейчас. Тем более, что за годы Советской власти у всех граждан СССР появились постоянные фамилии, и людей, которым предстоит «офамиливаться», как будто бы не осталось.

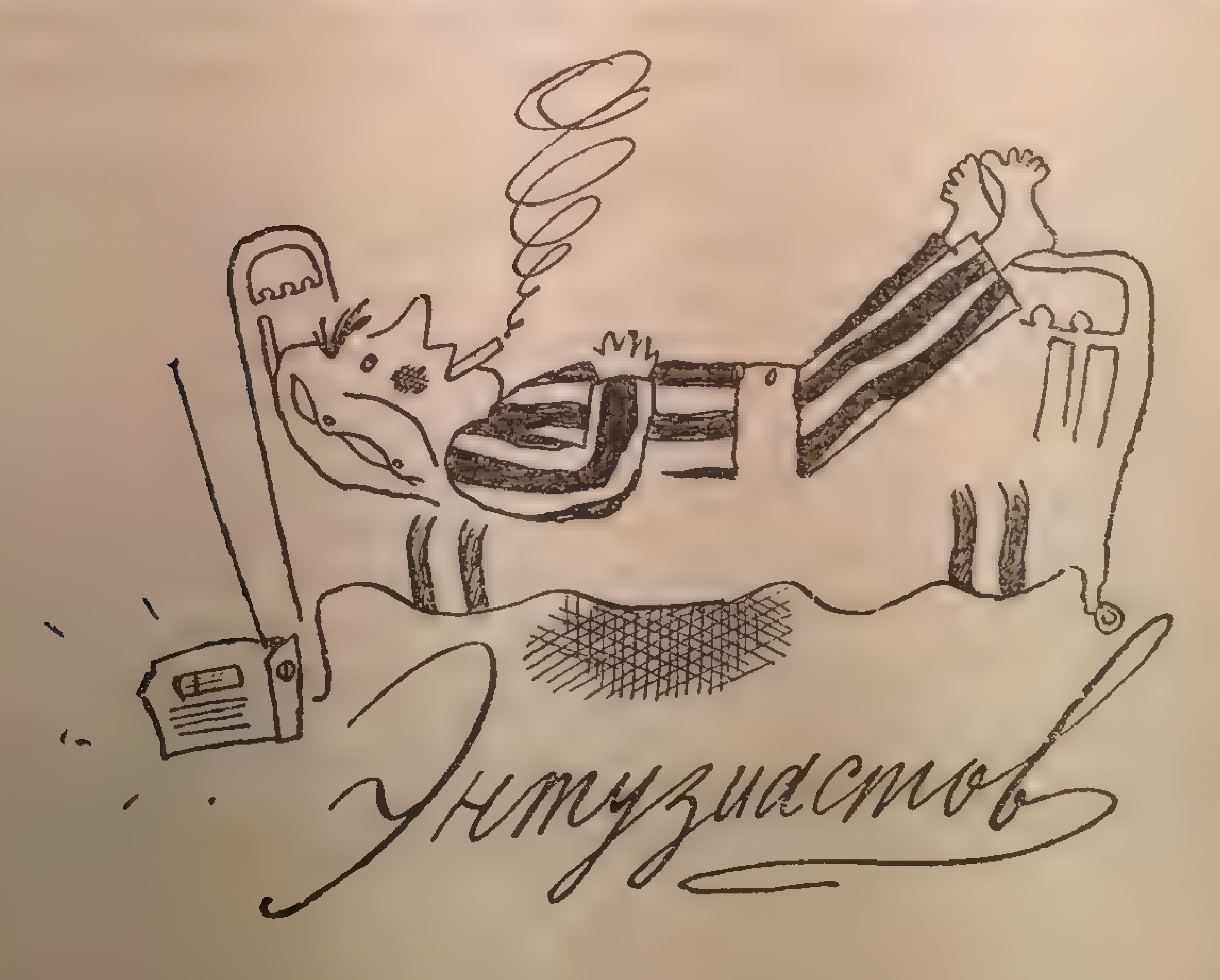
Вряд ли можно ожидать, что снова начнется увлечение «самопереименованиями», массовая замена старых фамилий на новые, соответствующие «злобе дня». Такая волна, как уже говорилось, прошла в 1920-е годы, но что касается новых личных имен, то из них утвердились немногие: Рэм, Владлен, Майя, Ким, Тимур. Большинство же новообразований—вроде Трактор,

Идея, Электрон, Эра — оказались нежизнеспособными. Популярными вновь стали старые русские имена: Николай, Владимир, Наталья, Ольга, Ирина, Юрий, Андрей и т. п.

Если так произошло с наиболее подвижной, легко обновляемой первой частью нашего тройственного наименования, то подобная же тенденция тем более обнаруживается в отношении к наиболее устойчивой его части — фамилии.

И в наши дни многие советские граждане заменяют свои неблагозвучные (или кажущиеся им некрасивыми) фамилии новыми, выбранными по вкусу. Процедура эта не очень сложная: происходит она незаметно для широкой общественности, так как помещать об этом объявления в газете уже не надо. В одном из районных отделений загса в Москве меня ознакомили с новейшими данными по этому вопросу. От каких же фамилий отказываются современные москвичи разного пола и возраста? Вот

примеры: Мартышкин, Портянкин, Крысин, Объедкова, Чушкин, Свинкин, Лупандин. В этой части нет особой разницы с 1920—30 годами. А какие новые фамилии выбирают? Самарин, Тихонов, Клепин, Королева, Белов, Гришин, Лебедев. Чувствуете разницу? Простые, традиционные русские фамилии. Я перелистал десятки загсовских дел и среди вновь избранных фамилий не обнаружил ни одной претенциозной, нарочито громкой. С ростом культуры люди перестали присваивать себе иностранные фамилии вроде Гартье и Нортон. Прекратилось и вторжение в наш обиход новаторских фамилий Коммунаров, Марсельезин, Марксистов и т. п. В самом деле, доказывать свою преданность делу революции и коммунизма столь легким путем, как принятие революционной фамилии, кажется нам сегодня чем-то нескромным, крикливым. Никто не попрекнет человека за старую, может быть, даже устаревшую для наших представлений и взглядов фамилию. Отличник производства, по фамилии Благовещенский, ценнее нашему обществу, чем лодырь со звонкой новоприобретенной фамилией Энтузиастов.

Конечно, замена уродливых, неблагозвучных фамилий новыми, с умом и вкусом выбранными, будет продолжаться и впредь. Несомненно, многие Холоповы, Холуевы, Хамовы, Попрошайкины, Лакеевы захотят избавиться от своих фамилий. В этом, разумеется, им препятствовать нельзя. Ничто не должно угнетать, травмировать советского человека, тем более — личное наименование, избавиться от которого гораздо легче, чем от физического недостатка.

Назревает и другая проблема. Все более интенсивное общение между отдельными, даже самыми удаленными друг от друга районами нашей страны, бурное развитие печати, радио, телевидения приводит к тому, что мы знакомимся — очно и заочно — все с большим количеством своих сограждан. При этом бросается в глаза, что многие из них — однофамильцы, а иные даже тезки по имени и отчеству. Такие совпадения не столько забавны, сколько досадны как для самих однофамильцев и тезок, так и для их окружения. Возникает путаница при разного рода регистрациях, в работе органов местной власти, почты, справочных бюро и т. д. Сказанное в первую очередь относится к таким массовым фамилиям, как Иванов, Петров, Смирнов, Попов, Кузнецов и т. п., особенно если их носители — Иваны Ивановичи, Николаи Александровичи, Василии Петровичи. Каков выход? Думается, что в недалеком будущем государство будет поощрять перемену «частотных», как выражаются лингвисты, фами-

лий на более редкие. При этом вовсе не нужно, чтобы новые фамилии были вычурными, искусственными, не соответствующими духу русского языка. Если Кузнецов, скажем, добровольно станет Кузнецким, то разница будет невелика, зато шансы, что его с кем-то спутают, резко уменьшатся.

Что же касается фамилий «несовременных» или просто не очень красивых по смыслу, то многие из них давно уже вызывают у нас не отрицательные, а, напротив, весьма положительные ассоциации и эмоции. Вдумаемся, например, в фамилии Грибоедов, Некрасов, Сеченов, Толстой, Мочалов, Покрышкин, Комаров. Они напоминают о замечательных русских людях, которые прославили нашу страну и наш народ. Люди эти совершенными ими деяниями как бы облагородили свои фамилии для будущих поколений. Это пример для каждого из нас.

Сотни прославленных фамилий героев революции, гражданской и Отечественной войн, подвижников мирного труда мы произносим с благоговением, независимо от того — красивы эти фамилии по своему смыслу или нет. Важно, чтобы был красив сам человек.

Иначе говоря, перефразируя старую пословицу, можно заключить: не фамилия красит человека, а человек — фамилию. И это самое главное.

ПЕРЕЧЕНЬ ФАМИЛИЙ, ТОЛКУЕМЫХ В КНИГЕ

(указаны страницы)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

ФЕДОСЮК Юрий Александрович

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ВАША ФАМИЛИЯ?

Ответственный редактор А. В. Ясиновская. Художественный редактор Л. Д. Бирюков. Технический редактор Т. В. Перцева. Корректоры Г. В. Русакова и К. П. Тягельская.
Сдано в набор 16/XII 1968 г. Подписано к печати 13/VIII 1969 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 5. Усл. печ. л. 4,67. (Уч.-изд. л. 4,5). Тираж 50 000 экз. ТП 1969 № 528. А06212. Цена 16 коп. на бум. № 1.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3565.

Цена 16 коп.